

The background of the image shows a stack of several old, thick books with worn, yellowed pages and dark covers. To the right, a blue pen and a yellow notepad are visible, slightly out of focus. The overall lighting is soft and warm, creating a sense of history and study.

Владимир Невский
*Старые
тетради*

Владимир Невский

Старые тетради

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24432670

ISBN 9785448532245

Аннотация

Старые тетради, записные книжки, блокноты, дневники. Так много в них хранится историй о любви. Фабулы, конфликты, завязки и развязки жизнь преподносила, щедростью делась. И я писал правдиво. Лишь вымыслом безбрежным восторга романтизма порою дополнял.

Содержание

От автора	5
Из блокнотов	7
Весна	7
Стелла	18
Крошка	29
Записные книжки	41
Прохожий	41
Стерва	46
Чистильщик	58
Finite	69
Попутчик	75
Если бы	83
Женитьба мачо	95
Сеть	108
Вася, Василек, Василиса	128
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Старые тетради

Владимир Невский

© Владимир Невский, 2017

ISBN 978-5-4485-3224-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Старые тетради.

Записные книжки

Дневники с секретами, тайными анкетами, стихами
о любви.

Обернутые в мягкий, прозрачный целлофан, что в рубчи-
ках шершавых от твоих забав.

Страницы пожелтевшие.

Временем побитые, хрупкие, чуть грязные уголки их.

И почерк детский, столь наивный и смешной, ну прям
до слёз.

С нажимом, без нажима, с наклоном в сорок пять.

А прописные буквы всё «скачут» и «смеются», вычурный
танцующий вальс красивых слов.

Цитаты, афоризмы, что так взволновали сердечко юное
твое.

Стихи, вселившие смятение безоблачной души.

И мысли зарождались.

И новые пробуждались.

Смущение восторга, когда шагнул на зрелости порог.

Меняется всё

В наш век перемен: Меняется звук, меняется слог,

Как символично, местами комично, но в больше степени
трагично.

Побелели чернила, померкли картинки, и мировоззрение как-то утратило шик.

И почерк стал не красиво-школьным, а грустным, непонятным, неясным, словно тень.

Но истории остались, и обрывочки рассказов, и наброски первых и несмешных стихов.

Фабулы, конфликты, завязки и развязки жизнь преподносила, щедростью делясь.

И я писал правдиво.

Лишь вымыслом безбрежным восторга романтизма порою дополнял.

Но иногда грешил и я.

Я кроил сюжеты, повышая градус.

Я действия героев полностью ломал

И людские судьбы игриво, самочинно, без жалости и страха, по-новому писал.

Хотелось, чтоб красиво.

Мечталось, чтоб счастливо.

Чтоб сказки и для взрослых кончались хорошо.

Старые тетради.

Записные книжки.

Нет знать мне аллергии на вашу пыль годов.

Из блокнотов В. Чиркова

Весна

Живи, как молния играя
В свою опасную игру.
Дешевому не внемли раю,
Приговори себя к добру.

Хорошие, сильные слова. А главное: правильные. Не помню, но кто-то из великих сказал: твори добро, и оно вернётся к тебе. Я тоже решил взять этот девиз для обязательного подражания в своей биографии. Решить-то решил, и даже творил. Да вот только оно не спешит ко мне поворачиваться лицом своим. Может, я где-то, чего-то не понимаю, или делаю неправильно? Не знаю. Я, конечно же, уверен в правильности своих поступков и действий. Каждый человек думает, что он прав. И лишь потом, с годами, к нему приходит правильное решение. Переоценивает он свою жизнь, другими мерами мерит поступки и слова.

А я решил уехать. Жить с родителями стало тяжеловато. И это ещё я подобрал очень мягкий эпитет. Делал всё, что бы

наше маленькая ячейка общества жила в мире и согласии, но родители не оценили мои начинания. Им чужды перемены. Они не могут без ссор и выяснений отношений. Возьму я минимум одежды, гитары за плечи и... Олег зовёт меня к себе, в деревню. Там в шоферах нужда, там койко-место в общежитии. Рано или поздно придётся начинать свою самостоятельную жизнь. И лучше рано, да с нуля. Мне уже двадцать лет, армия за плечами. У меня избыток сил. Желание работать и жить. Решено: завтра, как раз понедельник, меня ждет дорога в неизвестность!

Автобус мягко идёт по трассе. В салоне тихо и малоллюдно. Как дорога ни старалась укачать меня, мне не спалось. Что-то происходит во мне, какие-то необъяснимые процессы. Я как-то уж больно легко порвал с прошлым. Грусть не покидает меня, хотя знаю, что и это скоро пройдёт. Как всё в этом мире. Я быстро привыкаю к смене обстоятельств, и не страдаю адаптацией. Рядом со мной сидит отличная девчонка. Высокая и стройная. Волосы белого цвета сплетены в толстую косу, про которых говорят «настоящая русская коса». Глаза цвета морской волны, реснички густые и чёрные. Мне она очень понравилась. Мне вообще нравятся натуральные блондинки. Вот только разговор у нас так и не получился.

– Девушка, можно с вами познакомиться?

– Нет.

– Почему?

– Нет, и всё. – Она просто пожала плечами.

Нет, так нет. Я не хотел настаивать. Хотя в душе и было немного обидно. И вышли мы на одной остановке. Вот я тогда удивился: остановка есть, а деревни нет. Только где-то в конце проселочной дороге виднелись построения.

– Это и есть деревня? – мне удалось-таки заглянуть в глубину глаз её, где явно проглядывался страх. Она только слабо махнула рукой.

– И автобусы не ходят? – старался больше не встречаться с нею взглядами, чтобы зря не пугать.

– Нет.

– Придётся идти пешком? Давайте, я помогу вам. – И протянул руку к её объёмистой сумке.

– Спасибо, не надо. За мной сейчас приедут. – Она отвернулась, глядя на дорогу.

– Да? А меня не захватите?

– Нет. – Честно ответила она.

Я не стал интересоваться почему, боясь опять услышать лаконичное «Нет, и всё». А голосочек-то выдал её. Была какая-то нерешительность и поспешность.

– И всё-таки я надеюсь, – сказал я, присел на свой старенький чемодан и закурил. После запылённого города, тут, в чистом поле, в соседстве с лесом, дышалось легко и свободно. Тем более на дворе месяц май. Самое прекрасное время года. Я делал вид, что люблю окружающими пейзажами, а сам незаметно присматривался к попутчице. Девочка нервно прохаживала вдоль трассы, и не переставала бросать

взгляды в сторону деревни. И меня вдруг осенила мысль, что никто за ней не приедет, да и не должен был приехать. Она просто боится идти со мной. Тем более дорога тянулась вдоль самого леса. Я докурил и поднялся.

– Да ты не бойся меня, – старался быть убедительным. Она от неожиданности вздрогнула и посмотрела мне в глаза.

– Я не боюсь. Пошли, – и протянула сумку

Мы шли в молчании. Нет, сначала я, конечно, пытался завязать разговор, но она упорно не шла на контакт. И мне пришлось смириться с этим. На нет и суда нет. Лишь около самой деревни я спросил:

– Скажи, а как мне пройти к дому, где живёт Олег Барашев?

Она подробно описала мне путь продвижения, добавив в конце:

– В этом большом доме и живёт твой прораб, – при этом она как-то презрительно усмехнулась.

Олег встретил меня так, словно мы не виделись с ним целую вечность, а не расстались буквально полтора месяца назад. Накрыл шикарный стол, где главенствовала в основном закуска домашнего приготовления: маринады и копчения. Они познакомились в армии, потому разговоры были только на служивые темы. Вспоминали то, что еще не успело забыться, но виделось уже под другим углом. Смеялись, травили анекдоты и байки. Я поведал о дороге к нему, вспомнил блондиночку.

– В попутчиках у меня был ангелочек в образе симпатичной белокурой девицы. И она тебя почему-то прорабом назвала.

– Погоняло моё. – Отмахнулся армейский друг. – Потому, как служил в стройбате.

Дальше Олег рассказал не очень весёлую историю. После возвращения из рядов советской армии, он не узнал свою деревню. Особенно молодежь. Группировки какие-то по территориальным признакам, постоянные разборки между ними. Короче, с запозданием, но всё же в деревню пришла городская мода, принося с собой весь негатив. Но ничего нового Олег мне не поведал, с такой стороны жизни я был знаком еще до армии, и сам когда-то принимал активное участие в уличных драках. Беспричинных и безжалостных. Присидели мы за столом до поздней ночи. А приснилась мне она, блондинка с глазами цвета морской волны.

Олег оказался прав: на работу меня приняли с распростёртыми объятьями. Даже дали почти исправленный «ЗИЛ». Комната в школьном общежитии была большой и просторной. Я даже в своих даже очень смелых мечтах не мог предположить такого везения. Так что мои маленькие сомнения на счёт самостоятельной жизни быстро и безвозвратно растворились. Жизнь началась без особых трудностей.

В субботу Олег зашел за мной, пригласил пройти в местный клуб. Сегодня там давала концерт местная поп-группа.

Заинтриговал короче. Знал, чем можно зацепить меня. Сам-то я имею музыкальное образование, иногда сочиняю неза-тейливые песенки с тривиальными текстами. Да и на молодежь следовало посмотреть. Надо было быть в курсе всего, что творится в округе, если ты собираешься обитать в этом самом круге. Но больше всего мне хотелось повстречаться с блондиночкой, которая произвела на меня неизгладимое впечатление. И моим надеждам суждено было сбыться. Я сразу же увидел её, едва переступив порог местного очага просветления и культуры. Потому как она стояла на сцене и солировала. Говорить зря не стану, голос у нее присутство-вал, но слабоват, не разработан. Олег проследил за моим взглядом и усмехнулся:

– Это и есть тот самый ангелочек?

Я только громко выдохнул. Хотя я могу сдерживать и не демонстрировать свои чувства, но тут сплеховал. Во-прос прозвучал резко, а главное совсем неожиданно.

– Нет, не этот. – Вновь сглумил, поспешно ответив, и так же быстро отвёл взгляд. Олег – не дурак, он всё по-нял, но промолчал. Пошел играть в бильярд, не приглашая меня. Да и я бы отказался. Хотелось еще немного послушать местных. Они сыграли еще несколько композиций, на чём и прервали репетицию. Я отмечал про себя все их плюсики и минусы. Вторых оказалось больше. К примеру, игра баса-ста. Без лишней скромности скажу, что я на басу играю зна-чительно виртуозней. Школа, как-никак. Меж тем участни-

ки группы решили сделать перерыв. Кто вышел на воздух, кто просто шатался по клубу, а она. Я был приятно удивлен, когда увидел ее направляющуюся в мою сторону. Я уже был с широкой улыбкой на лице вскочить ей на встречу, но она присела рядом с парнем, в двух метрах от меня. Они о чём-то оживленно заговорили, я не пытался даже вникнуть в суть их беседы. А потом блондинка неожиданно повернулась ко мне и поинтересовалась:

– Ну, как, понравилось?

Я не сразу, но ответил:

– Поёшь ты не плохо. А вот музыкальное сопровождение желает оставлять лучшее.

Они переглянулись, и во взглядах обоих скользило недоумение, потом вновь посмотрели на меня. При этом выражение лица у парнишки выражало крайнее удивление. Было такое чувство, что он впервые слышит такие речи об их группе.

– Ты это сейчас серьёзно сказал?

Эх, как мне хотелось блеснуть передним какой-нибудь умной речью, да на ум ничего не шло.

– Я знаю цену словам своим.

Парень иронично усмехнулся. Боже, они, что в этой деревеньке, по-другому смеяться не могут? Как только усмехаться с большой долей либо презрения, либо иронии? Я встал и отошел к бильярдным столам. Играли в «американку», правила которой я не очень-то и знал. Просто стоял и на-

блюдал, как парни катают шары. А меж тем группа вновь приступила к репетиции. Но сейчас и солистка почему-то стала нервничать и часто ошибаться. Неужели на неё так подействовали мои слова? Скорее всего. На её собеседника уж точно. Он бросал на меня частые и малоприятные взгляды. Я воспользовался перерывом в партии бильярда, и осторожно поинтересовался у Олега:

– Кто это?

– Игорь. С ним лучше не связываться. Он тут лидер. Бог и царь.

– Почему?

– Затопчут.

Пришлось повнимательнее присмотреться к местному авторитету. Ничего особенного в нем не наблюдалось. Ни силой не блистал, ни тем более умом. Блондиночка остановила репетицию.

– Я устала, – и прыгнула со сцены. Вновь подошла к Игорю, присела, о чем-то тихо шепнула. Игорь поднялся, отыскал меня глазами и крикнул:

– Ну-ка, критик, сыграй нам что-нибудь.

Я не стал ломаться и жеманиться (вот уж чего не люблю в людях больше всего). Поднялся на сцену, взял бас-гитару, и выдал им всё то, на что был способен. Гитара просто рыдала в своей сольной партии. Когда я закончил, в клубе висела тишина, от которой почему-то становилось даже жутковато. Зловещая какая-то тишина. Доморощенный басист буквально-

но вырвал гитару из рук моих. Молча, но угрозу я почувствовал всеми фибрами души. Олег поманил меня, и мы вышли на улицу. Не сговариваясь, пошли по домам. О случае в клубе ничего не говорили, словно боялись даже затрагивать эту тему. На перекрестке попрощались, пожелав друг другу спокойной ночи, и разошлись. Не прошел я и десяти метров, как передо мной, словно из воздуха, появился гитарист.

– Хочешь занять моё место?

– Нет.

– Зачем тогда полез на сцену?

По его тону в голосе, по активным жестам, было понятно, что его вообще не интересуют мои ответы. Вопросы были риторическими. Не начинать же махать кулаками без предварительного разговора. Да мне не хотелось мериться с ним силами.

– Попросили.

И тут решил, что разговора было достаточно, и ударил. Хотя я и ожидал такого продолжения нашей беседы, но не думал, что это произойдёт так быстро, и посему пропустил удар. А он оказался хорошо поставленным. И сразу же рассёк мне бровь. Теплая липкая кровь залила мне глаз. Чисто рефлекторно я ответил ударом на удар. Парень, лязгнув зубами, скатился в заросли крапивы. Я воспользовался этим обстоятельством и сбежал с поля битвы. Пришлось приложить немало усилий, чтобы остановить кровь. И спать пришлось ложиться в плохом расположении духа.

Прошло несколько дней. Больше ничего со мной не происходило. Правда, я, проявляя благоразумие, никуда из общаги по вечерам не хожу. Читаю книги или играю на гитаре. Олега тоже за эти дни не видел. А хотелось бы узнать, что происходит в молодёжной среде. Какой резонанс вызвала наша драка.

Сегодня мне выдали путёвку, с первым серьёзным заданием – предстоял рейс в город. Едва я выехал за пределы деревни, на дороге увидел её. Она направлялась на остановку. Таких счастливых случаев в жизни выпадает крайне редко. А мне так подфартило! Ожидаемое стало явью. Я остановил машину и выскочил.

– Привет! Давай подкину.

Она немного удивилась, увидев за рулём меня. Но ничего не сказала, залезла в кабину. Я был словно в тумане. Она рядом со мной! Это так прекрасно! Такой шанс, а я молчал. Растерялся словно мальчишка. Впрочем, и она не спешила заводить разговор. О чём-то сосредоточенно думала, а потом выдала:

– Уезжай отсюда.

Для меня это стало откровением. Чего-чего, а такого поворота я не ожидал.

– Почему?

– Тебе не будет здесь жизни, – тихо ответила она, и отвернулась.

Не знаю почему, но я вдруг почувствовал опасность и на-

пряжение. Может, это у страха глаза велики, а чувство самосохранения решило перестраховаться. Но неуютность и дискомфорт охватили меня. На остановке она попросила остановить машину. И когда уже открыла дверку, я спросил:

– Как зовут то тебя?

Она ответила приятной мимолётной улыбкой:

– Весна, – и хлопнула дверкой.

Нет, я ещё повоюю за эту прекрасную улыбку.

1993

Стелла

Эта неделя была просто ужасной. Во-первых, я не встречался ни разу с девушкой, которая назвалась «Весной». И, по-моему, она права. Весна – это всегда радость и надежда, свежесть и любовь. Я каждый вечер ходил в клуб, но безрезультатно. А во-вторых, все эти дни меня били местные парни. Я, конечно же, не оставался просто «грушей для битья», и по мере возможности отвечал ударом на удар. По-моему на этой недели я повыбивал столько же зубов, сколько за все предыдущие годы. Но силы были не равны. Местные не чтити неуставные законы драки: один на один. Наваливались толпой, и давай метелить. Всё моё тело состояло из одного большого синяка и кровоподтека. Но сдаваться я естественно и не собирался. Не в моих это правилах, хотя и очень глупо. На что я надеялся? Что у них вдруг проснётся благородство? Как оно может проснуться, если изначально оно отсутствует. Ждать, что Олег сможет как-то повлиять на земляков? Глупо, у него авторитета – ноль. Короче, я и сам не знал, что я ждал. Наверное, какое-то чудо чудесное. Или просто хотелось узнать, у кого быстрее сдадут нервы.

Первыми нервы сдали у неё. Сижу я в комнате, перечитываю Шекспира, и вдруг заходит она. Я просто остолбенел от удивления и счастья. Встать-то я, встал из-за стола, и всё. Стоял посередине комнаты, молчал, хлопая глазами.

Даже не поздоровался, впрочем, как и она. Смотрит на меня, и я вижу в глубине её глаз затаённую нежность. Прошла в комнату, осторожно присела за стол и включила настольную лампу, под синим абажуром. Потом кивнула головой на люстру:

– Выключи

Я безвольно подчинился ей, и комната погрузилась в мягкий синий туман. Я сел напротив неё, она же задумчиво смотрела на абажур.

– Это не может долго продолжаться, – вдруг сказала она.

– Что именно? – я и правда не очень понимал, о чём она говорит.

Медленно подняла на меня взгляд. До сих пор я ни разу не видел её такой. Задумчивой и грустной. И в этом тоже проскальзывала своя прелесть.

– Я не знаю, чего ты добиваешься, – голос не отличался от её общего состояния. Я же не стал солидарен с гостьей в её плохом настроении.

– Ничего не добиваюсь. Просто живу. Никого не задеваю, ни на чьё место не претендую. А что вас не устраивает, для меня самого загадка. – Говорил громко и с большой долей весёлости, азарта.

– Кого это, вас?

– Вашу молодежь.

Она встала, прошлась по комнате, остановилась около окошка.

– В клуб приехали специалисты из районного центра. Прослушивают. Ищут таланты. Для своей группы. Сходи, ты обязательно пройдёшь отбор.

– А ты?

Она не смогла подавить тяжелый вздох:

– Мой голос никуда не годен.

Так вот почему она такая грустная. А я уж обрадовался, что она беспокоится за моё здоровье. Глупец. Но зачем-то она всё-таки пришла?

– А мне все всегда говорили, что я отлично пою. Получается, что врал.

– За тобой сила.

– И ты мне врал, – голос сорвался, стал злым, хотя и ненадолго. Она вновь вернулась в меланхоличное состояние. Мне даже стало жалко её. Человеку всегда трудно переживать разочарование.

– Сходи, – снова повторила она, не оборачиваясь от окна. – У тебя появился реальный шанс уехать в райцентр. Гитарист ты отличный. Уедешь, и все неприятности закончатся.

– Да не хочу я уезжать, – разозлился я.

Подошел и встал рядом с ней. Её маленькая ладошка покоилась на подоконнике, и я не стал препятствовать желанию погладить её. Она не выдернула, не вздрогнула, она вообще как будто не заметила. Просто медленно повернулась иглянула мне в глаза:

– Какие же вы все одинаковые. Как вы все мне надоели!

– Ты очень красивая, – сказал я очередную глупость.

– И это я слышала миллионы раз, – она снова прошла по комнате, оставив меня теперь любоваться пейзажами за окном.

– Почему ты не хочешь уезжать?

– Просо не хочу.

– Из-за меня что ли? – она приблизилась ко мне и буквально заставила посмотреть ей в глаза. Мы молчали, и это продолжалось достаточно долго. В ее глазах струился мягкий тёплый свет, а полуоткрытые влажные губы манили и соблазняли. Я чуть наклонил голову, ожидая её реакции. Она не отреагировала, и тогда я приобнял её за упругую талию и стал целовать. Девочка ответила на мой поцелуй, подалась на встречу, отмякла в руках. И за это мимолётное мгновение у меня мелькнула шальная мысль: «Всё хорошо. Я добился её». Да только она вдруг как будто очнулась и оттолкнула меня.

– Не делай этого больше, – и снова стала прежней. Со злым огоньком в глазах и презрительной усмешкой на губах.

– Почему ты притворяешься? – спросил я. – Ты не такая, какой пытаешься казаться. Да и вообще, вы тут все играете какие-то роли. Театр устроили, забыв о натуральной жизни. Создали свой мирок, и не пускаете в него чужаков. Сразу же клеймите, стараетесь унижить и оскорбить. Такое чув-

ство рождается, что вы живёте по приказу, кого-то боитесь, чего-то боитесь.

Я сам был уверен на сто процентов в своей правоте, редко я ошибаюсь. Но или моя речь совсем не тронула её, или она умело скрывала свои чувства, но, ни один мускул не дрогнул на её лице.

– Ты всё сказал? А теперь я скажу. Если ты решил остаться здесь из-за меня, то это напрасно. Никогда между нами ничего не будет.

– Вот видишь! – меня «понесло». – И ты считаешь себя королевой. Почему ты решила, что из-за тебя?

Врать уметь – то же талант. Девочка опять сменила настроение. Опять ударилась в меланхолию. Грусть и печаль затуманили глаза её. Она медленно опустилась на кровать, глядя куда-то в тёмный угол, и молчала. По-моему я перестарался, второй удар по самолюбию за один вечер – это уже слишком. Решил смягчить:

– Будешь пить чай?

Она только кивнула в знак согласия.

Я поставил греться чайник на плитку, сполоснул стаканы, насыпал песок в сахарницу. Раздался стук в дверь.

– Открыто.

В комнату вошел гитарист, он же – мой постоянный спарринг-партнёр по уличным боям.

Вот это да! День сюрпризов просто. Тело напряглось, синяки опять заныли. Он окинул комнату быстрым взглядом

и наткнулся на притихшую девочку.

– Вот ты где, Стелла. А мы обыскались тебя по деревне. Пошли, эти искатели талантов сами ничего не понимают в искусстве.

Удивительно, но она легко подчинилась его воле. Просто встала и вышла из комнаты. Настроение у меня окончательно испортилось, хотя где-то в душе продолжал тлеть огонёк надежды на то, что она вернётся. Закипел, засвистел чайник. Я стал заваривать, и услышал шум открывающейся двери. Наверняка, гитарист, не может уйти просто так, без единого удара. Резко поворачиваюсь, уже в полной боевой готовности. Она!

– Ты вернулась?

– Ты же обещал напоить меня чаем.

– Садись. – Я старался казаться спокойным и где-то даже чуточку равнодушным. Да голос выдаёт меня с головой. Она всё понимает и улыбается той самой прекрасной очаровательной улыбкой. Я разлил по стаканам чай.

– Значит, зовут тебя Стеллой?

– А ты до этого не знал?

– Звал тебя «Весною». Меня, кстати, Володей предки нарекли. Будем знакомы.

– Будем.

Чай пили мы в молчании. Не знаю, о чём она там думала, сам же я плавал в вопросах: почему она вернулась? Что бы это значило? Что она сказала гитаристу?

Когда чай был допит до последнего глотка, Стелла встала:

– Спасибо большое. Мне пора.

– Я провожу тебя.

Она остановилась на пороге и взглянула на меня:

– Если я тебе дала надежду, то извини. Прощай.

Я был просто ошеломлён. Ещё минуту назад я был уверен, что между нами начинается что-то складываться, что-то проясняться. И вот! «Прощай» из уст её перечеркивает всё! Я не нашел слов что-либо ответить ей. Просто осторожно пожал её маленькую ладонь, и она ушла. Одна ушла.

Промчалась ещё одна неделя. Спокойная и смиренная. Ни драк, ни разборок. Вообще ничего. Тишь и благодать. Меня просто не замечали. Я – просто превратился в пустое место. Стелу я так и не видел больше.

В воскресенье навалилась невыносимая жара. Я решил сходить на речку, поплавать. Меня совсем не пугало, что речка протекала в трёх километрах от деревни. Для молодого и здорового человека три км – не расстояние. Речка протекала посередине леса, или это лес оккупировал речку. Не важно. Красота просто завораживающая, так и просившаяся на полотно к мастеру. Я переплыл речку, и побродил на берегу. И уже плыл обратно, когда понял, что кто-то кидает в меня камешки. А когда вылез на берег, то мои догадки подтвердились: вещи мои исчезли. Я озирался вокруг, но заросли кустарника и деревьев скрывали злоумышленника.

– Кто здесь? – крикнул я, теряя терпение. В ответ – тиши-

на. Несколько раз я повторял свой вопрос, а результат был прежним. И тогда я выругался. Смачно так, на нашем, на великом. Из-за березы вышла Стелла, держа в руках мои вещи.

– Ты и ругаешься виртуозно. – Она широко улыбалась. В глазах плясали весёлые озорные огоньки. Просто светилась изнутри неподдельной радостью и счастьем. Я её ещё ни разу такой не видел. И это произвело на меня большое впечатление. Глаз нельзя было оторвать от такой прелести. Настроение из неё било нескончаемым потоком. Она и сама отлично шутила, и над моими нескладными шутками смеялась от души. Дорога назад нам показалась бы слишком короткой, если не настигла первая гроза. Мы спрятались под огромным вековым дубом, чья густая крона впрочем, не уберегла нас от вездесущих капелек дождя. При вспышках молнии и раскатах грома, Стелла вздрагивала и всё теснее прижималась ко мне. Я чувствовал её горячее дыхание, я слышал стук её сердца. И снова я не смог устоять перед соблазном, поцеловав её в полуоткрытые жаркие губы. Мы были мокрыми и счастливыми.

С этого дня жизнь моя существенно изменилась. Мне даже не хватало времени вести свой дневник. Я чувствовал себя безмерно счастливым человеком. Мы с ней часто ходили на речку, где я обучал её плавать. Ученица она была прилежной, делала большие успехи. А когда возвращались, то обязательно останавливались около старого дуба. И тесно прижавшись, друг к другу, долго целовались. Вот и сегодня бы-

ло так.

– Я люблю тебя, Стелла.

Она улыбнулась, прижалась ко мне, и притихла. Я готов был кричать о своих чувствах на весь белый свет. Хотя она и ничего не говорила в ответ, я знал, что и она испытывала аналогичное. Нам всегда хотелось быть только вдвоем. Мы не ходили ни на киносеансы, ни на танцы. Сидели где-нибудь на лавочке под кустами сирени, я ей часто играл на гитаре. И она при этом повторяла:

– Как хорошо, что ты тогда не уехал.

Порой нежелание расставаться переходило всякие границы, и Стелла стала ездить со мной в рейсы. Часто бывали в городе, где бродили по парку, сидели в кафетерии, и возвращались в деревню поздним вечером. Завгар и удивлялся, и по-стариковски ворчал, что остальные водители успевали сделать по две ходки, что видимо, мне не нужна хорошая зарплата, проверял наличие бензина. Он и не догадывался, как я провожу время и что передвигаюсь на черепашьей скорости.

Но случилось то, что я ну никак не ожидал.

– Понимаешь, – она ходила по комнате, и, словно слепая, натыкалась на скудную мебель.

Такой растерянной мне еще не приходилось её видеть.

– Что случилось?

– Он вернулся из армии.

– Кто? – я ничего не понимал. Я не хотел ничего понимать.

– Мой парень.

– Ну и что? – я начинал заводиться.

Она не дождалась своего парня из армии! Осуждается, конечно, в народе. Ну и что? Не мужу же, в конце концов, она изменила. Поговорят бабки, почешут языком, и забудется.

– Мне было с тобой очень хорошо. – Стелла присела за стол и включила лампу.

Было? Одно лишь слово резануло по слуху. Было? Мы, что уже расстались? Я кипел от возмущения и непонимания. Почему она должна вернуться к нему? Это, ну никак не вписывается ни в какие логические рамки. Абсурд! Паранойя! Стелла, словно прочитала мои мысли, глянула как-то виновато:

– Я увидела его и поняла, что люблю его.

– А как же я?

– Извини, – она встала.

– Нет! – закричал я. Настиг около порога, перегородил путь. – Ты не должна так поступать. А как же мы с тобой? Я же люблю тебя.

По её лицу бежали слёзы.

– Прости меня, Володя. Прости. Это лето было просто прекрасным. Я никогда тебя не забуду. – И она вышла из комнаты.

И в это время так символично перегорела лампочка. Я остался один, в кромешной темноте.

1993

Крошка

Я не метался по комнате. Я не схватился за бутылку. Я не бил посуду в порыве бешенства. И даже вены себе не резал.

Я находился в шоке. Словно с парализованной волей. Лежал на кровати и смотрел в потолок. Даже мыслей в голове никаких не было. Какая-то пустота. Глубокая и страшная. Теперь уже ничего нельзя было исправить, зная упёртый характер стелы. Успел многое узнать за время нашего любовного приключения. Она не вернётся. Но и себя я тоже неплохо знал. Наивно полагать, что я вот так легко сдамся. И сделаю всё, что бы в её сердце чувство ко мне пересилила старую любовь. Вот только как это провернуть? Разбиться на машине что ли? Жалость тоже способствует рождению любви. Избить всех местных парней? Да глупости всё это. Такие мысли с вариантами не покидали меня на протяжении нескольких дней, и даже ночей. И, кажется, я всё-таки нашел правильное решение. И приступил незамедлительно к осуществлению своего плана.

На работе у меня был выходной. И я, попросив машину в личное пользование, покатил в райцентр. Да я всё-таки решил попробовать свои силы в рок-группе, по слухам они так и не нашли бас-гитариста. По дороге я нагнал бодро шагающую девчонку, с большим рюкзаком за плечами. Проехал

немного вперёд, я остановил машину и вышел. Подождал пока она подойдёт поближе. А пока хорошенько успел рассмотреть её. Совсем молоденькая, от силы лет шестнадцати, с пушистыми волосами средней длины, такими же пушистыми ресничками, ещё не познавшие косметику, с карими глубокими, словно омут, глазами. Всё в ней было естественно, утонченно и красиво – и фигурка, и ножки, и черты лица. Она едва доходила мне до плеч.

– Привет, Крошка! Куда путь держишь?

– Здравствуй, Большой Брат. – В карман за словом она не полезла. Надеюсь, нам не по пути.

Её белозубая, по-детски открытая и наивная, улыбка пробудила в душе лёгкость и радость, что так давно не ощущал. Сделал чуть обиженное лицо:

– Может всё-таки по пути?

– Может быть, – она пошла на встречу, – мне в Первомайское.

– Нам по пути, – обрадовался я. И поймал себя на мысли, что радость моя была не наигранной, не постановочной, а что не есть искренней. Я деликатно открыл дверку, и помог залезть в кабинку. Она с любопытством оглядела салон.

– Ты всегда такой молчаливый? – вдруг спросила она после пятиминутного молчания.

Я даже немного растерялся, но тут же и обрадовался. Как никогда раньше я нуждался в собеседнике, боясь оставаться наедине со своими мыслями.

– Извини, задумался. Меня зовут Владимиром. А тебя?

– Бесфамильная Мария Александровна. Дочь собственных родителей. Родилась восьмого июня одна тысяча девятьсот семьдесят неважного года. Учусь в десятом классе. Комсомолка. Русская. Хобби: стихи, пение и танцы.

Я рассмеялся от такого анкетированного представления, и она присоединилась ко мне. Вот так всю дорогу мы шутили и смеялись. Довёз её до самого дома, попутно и адрес узнал так, на всякий пожарный. Я подхватил её с подножки за талию, и осторожно поставил на землю. И какое-то короткое мгновение наши глаза находились в сантиметрах друг от друга. Какие же красивые у неё глазки. Она должна быть счастливой, и будет ей.

– Счастливо тебе, Крошка. Дай Бог, тебе добра и счастья.

– Спасибо, – она помахала мне рукой и скрылась за воротами.

Дом культуры я нашел без всякого труда. И тут мне улыбнулась удача. Руководитель и основатель рок-группы был на месте. Мы перекинулись общими фразами, прошли в зал, где он прослушал мою игру. Попросил даже спеть. Я и исполнил пару своих песенок. Он остался довольным. Вернее ему даже очень понравилось, да видимо скуп был на похвалу. За это время подошли и остальные участники группы. Мы познакомились, попили чай с пряниками, поговорили. Решили все организационные вопросы, и на одном зависли. Дело в том, что я не мог каждый день использовать служеб-

ную машину. Правда и тут быстро нашли выход. Руководитель ради такого случая одолжил мне свою «Яву», старенькую, но на ходу. Договорились о планах репетиции, мы разошлись.

Несколько дней пролетели в делах и заботах. На меня снизошло вдохновение, и я набросал несколько новых песенок. Тексты отражали все наши встречи со Стеллой, наши разговоры, памятные встречи и случаи, в словах – боль утраты по настоящему счастью, и обязательное соло на басу, в котором я постарался передать все свои чувства и переживания, всю пустоту, которая навалилась на меня после расставания. Длинное получилось предложение, но как говорится: из песен слов не выкинуть. Мои новые друзья пришли в полный восторг от этих песен. Предстоящий концерт было решено единогласно назвать «Девушка по имени Весна». Оставалось долго и упорно репетировать. А мне хотелось как можно быстрее, чтобы Стелла услышала эти песни и всё поняла. И уже через две недели результаты были на лицо.

Как-то я ехал на очередную репетицию, и уже в посёлке я снова увидел Крошку. Обрадовался, словно малое дитя. Она шла, не спеша вдоль дороги, помахивая веточкой, отгоняя комаров. Я посигналил, но она даже не обернулась, а лишь еще больше прижалась к обочине. Я сбавил скорость совсем до минимума и вновь посигналил. Наконец-то она обернулась и тут же узнала меня.

– Привет, – я остановил своего железного коня.

– Привет, – улыбка коснулась ее чуть полноватых губок.

– Может нам по пути? – поинтересовался я.

– По пути, – сразу согласилась она, и без дальнейшего приглашения села на мотоцикл. Через десять минут мы подъехали к ДК.

– А не рано, на танцы-то?

– Я приглашаю тебя на репетицию. Я играю на гитаре. Пойдешь?

– Пошли.

Меня ждала новость. Оказывается, наш руководитель уехал в город, на пару неделек, для того, чтобы выбить для местного Дома культуры новые музыкальные инструменты. Для нас короче. И меня он оставил за главного. Без долгих разговоров и раскачек мы принялись прогон нашего будущего первого концерта. Единственным зрителем была Крошка, и, судя по её реакции, ей очень нравилось. А у меня, как обычно, перед глазами плавал образ Стеллы, для которой, по большому счету, и были написаны все эти песни. Сильные получились, они не могли не затронуть её сердца.

– Ну, как? – спросил я Крошку, когда мы отыграли весь концерт.

– Отлично.

– Лесть? – почему-то спросил я в манере деревенских обитателей, жестко.

– Нет, почему же?

Наш ударник Николай пригласил к столу, где уже всё было

готово к чаепитию. Это становилось нашей доброй традицией: после работы все вместе пить чай с вареньем, печеньем и зефиром в шоколаде.

– Слушайте, ребята, у меня возникла потрясающая идея.

– Какая? – спросил я.

– Твои песни, Володя, вернее их тексты написаны в манере монолога, правда, чуть переделать, тогда уж точно.

– И что? – я не понимал, куда он тянет.

– Нам просто необходима для этого концертка солистка. Ты только представь: дует солистов. Вы поёте, ведёте диалог, рассказывая друг другу о своих чувствах. Это новая тенденция в шоу-бизнесе. Мода. Давайте попробуем.

– А где взять солистку?

Коля повернулся к Крошке, которая не принимала никакого участия в наших творческих разговорах, а тихонько пила чай, поглощая шоколадные конфетки:

– Я помню тебя ещё совсем махонькой. Ты же выступала в школьном хоре?

– Когда это было, – засмущалась девочка.

– Талант не пропьёшь, – рассмеялся Коля, – даже с конфетами.

– Можно попробовать, – легко согласилась Крошка.

Пробовали мы до самого позднего вечера. И все остались довольными. Мне тоже очень понравилась. Песни стали как-то живее, богаче на эмоции, душевнее.

От Стеллы я такого не ожидал. Она познакомила меня

со своим парнем. Я стоял истуканом и все думал, чего она добивается? Или уж совсем ни ума, ни совести, ни простого человеческого сострадания. Или же стремится сделать мне больнее. Только ради чего? Не понимаю. Хорошо, что разговор получился не долгим и мучительным. Их кто-то позвал, и они отошли от меня. А я выскочил из клуба на чистый воздух. В душе все кипело и бурлило, как в недрах вулкана. Не осознавая свои действия, я вскочил на мотоцикл, и рванул в Первомайское. Слезы обиды мне застилали глаза, а стрелка спидометра между тем медленно завалила за отметку в сто километров в час. В ДК уже все участники собрались, настраивая инструменты. Я ворвался, словно вихрь, схватился за гитару, и без предисловий взялся «рвать струны». Ребята сегодня старались на славу, и выдали потрясающую гармонию и сыгранность. Но я всё равно находил мелкие, незначительные погрешности, и устраивал большие разборки. Парни понимали, что я сегодня, мягко говоря, «с цепи сорвался, и не перечили мне. Молча, выполняли мои порой абсурдные требования. А вот Крошка едва не плакала. На неё было даже больно смотреть, а я и не смотрел. Вернее, не хотел видеть её состояние. Своя боль застелила и глаза и разум.

– Собираемся, – приказал я, когда мы отыграли половину программы, – у нас сегодня концерт. В деревне. Согласны?

– Согласны, – парни принялись чехлить инструменты.

– А ты? – я повернулся к Крошке, и только сейчас заметил

в её глазах дикую усталость и боль. Она молчала.

– Сможешь?

– Смогу, – тихо, и как-то не уверенно ответила она.

Договорились, что парни подъедут в деревню через пару часов на нашем микроавтобусе. Я ж тем временем подготовлю сцену. Не прощаясь, я вскочил в седло мотоцикла и рванул обратно. На этот раз даже не подвёз Крошку до дома, что до этого было всегда.

Концерт прошел с большим успехом. Вот удивились все местные. Я и Крошка поймали волну, и пели не хуже признанных звёзд. Я чувствовал, что девочка сильно волнуется. Мне бы поддержать её, взглянуть лишний раз, подмигнуть. Но я смотрел только в зал, где видел только одного человека. Стелла была белее снега. Каждая песня, каждое слово, каждое гитарное соло, приносили ей душевные раны. Она была на грани истерики, наверняка, держалась из последних сил. Но я продолжал, ослеплённый своей обидой, своим эгоизмом. И Крошка мне в этом помогала. Тексты, написанные мной, символизировавшие Стеллу, выставляли её в не очень приятном свете. Короче, получалась, что жертва я, а девушка – коварное и бессердечное создание. Крошка справилась отлично.

А я и не догадывался, сколько душевных сил ей понадобилось на это. После концерта я чувствовал себя опустошенным. Во мне не осталось ни капельки силы. Потому я и не сопротивлялся, когда парни решили отметить наш успех. По-

жарить шашлыки и встретить рассвет на речке. Настроение моё кардинально изменилось. Я словно выплеснул со сцены весь негатив и злость. Осталось только усталость и грусть. Люблю смотреть на огонь. Наверное, я не достиг того, чего хотел. Я так и не увидел слёзы на лице Стеллы. Но я не останавлиюсь на этом. Уже сейчас в голове рождаются новые мотивы и свежие стихи. И они будут ещё лучше. Я не заметил, как уснул, как меня заботливо укрыли пледом. Проспал до самого утра, когда солнышко уже разогрелось, и мне стало жарко. У потухшего костра сидела Крошка, положив голову на колени согнутых ног, и не спускающая взгляда с медленного течения реки. Она почувствовала, как я проснулся, но не сменила позу. Просто тихо попросила:

– Отвези меня домой.

Я спустился к речке и умылся еще холодной водой.

– Ты любишь её?

Я вздрогнул, вопрос застал меня врасплох.

– Кого?

– Ту, на которую ты всё время смотрел.

Боже, только невинная душа, в свои шестнадцать лет, могла вот просто так задать сложный риторический вопрос. Чистая, наивная, не вкусившая ни измены, ни боли расставания, ни любви, в конце концов. Ничего я ей не ответил. Кажется, только сегодня она вступает во взрослую жизнь, и такой горький пример ей пойдёт не на пользу. А может наоборот. Она всё сама поймёт.

Целую неделю я безвылазно сидел в общежитие. Мне никого не хотелось видеть. Никого, кроме Стеллы. Почему-то я ждал её прихода, каждый вечер надеялся и ждал. Но она не пришла. Николай вот приехал. Я угостил его кофе.

– Шеф вернулся из города. Инструменты выбил. Новенькие, отличные. Узнал о нашем концерте. Рассердился – жуть.

Я просто пожал плечами, мне было всё равно.

– А потом ничего, отмяк. – Продолжил Коля, – и теперь решено устроить концерт уже в райцентре. И масштаб другой, и размах покруче.

– Хорошо, – новость и правда приятно ласкала самолюбие.

– А Марина уходит из группы.

– Какая Марина? – я не сразу понял о ком речь. – Почему уходит?

– А ты не догадываешься?

– Нет. – Искренне ответил я.

– Она же любит тебя.

Я был просто шокирован такой новостью. Любит? Крошка любит меня? Это совсем не радовало, но и не огорчало. Равнодушно я воспринял это, что раньше за собой такое не замечал. Прошло мимо моего сознания. Да какое там серьёзное чувство в столь юном возрасте. Так, увлечение, не долговечное, мимолётное. Скоро пройдёт, и забудется как плохой сон.

В райцентр мы поехали вместе. И я, по привычке заехал

за Крошкой. Посигналил, и она тут же вышла. Словно ждала, хотя договорённости на сегодняшний день не было.

– Ты решила уйти?

– Да. – Она старательно прятала взгляд, да и я не настраивался в гляделки играть.

– У меня к тебе только одна просьба. Ещё один концерт, и всё.

И тут она всё же посмотрела в мои глаза. Ну, нужна она, необходима, для концерта. Нужна напарница, тексты написаны монологами.

– Что всё?

– Уйдешь.

Она молчала. Долго молчала, я уж начал терять терпение.

– Хорошо, – согласилась она, – в последний раз.

А мне больше и не надо было. Я просто шестым чувством знал, что ещё один концерт Стелла не выдержит. Проснется всё-таки в её сердечке чувство ко мне. Поймёт она, что моя любовь стоит того, чтобы наплевать на прошлое, на пересуды односельчан, да на всё на свете.

И вот снова мы на сцене. И снова полон зал. Опять звучит музыка, горят огоньки. И я снова смотрю в зал. Как прежде вижу только одного человека, одного зрителя, одного слушателя. Ради которого я и затеял всё это. Я вижу её глаза. Ближе вижу, хотя она в центре зала. Я даже замечаю капельки слезинок в уголках её глаз. Она готова заплакать! Она готова! Ещё одна песня – и они затрепещут на кончиках ресниц.

Я чувствовал свой триумф, свою победу.

И вот она – финальная песня. Мы с Крошкой стоим, друг против друга и поём. И тут она вместо слов «Теперь чужой ты для меня» поёт на высокой ноте, на грани срыва голосовых связок «А я люблю, люблю тебя». Я смотрю в ее глазки, и вижу в них такое, что забываю обо всем на свете. Забываю отыграть прощальные аккорды, смазывая концовку концерта, оставляя зрителям чуть испорченные впечатления и подмоченное настроение. Ни разу в жизни я не видел, что одним взглядом можно столько рассказать! Всю душу она вложила в эту строчку, все силы отдала взгляду своему. Долго я находился в шоковом состоянии, не замечая никого вокруг. Сидел за кулисами, низко опустив голову, мучительно переживая потрясение чувств. Меня тронул за плечо Олег:

– С тобой хочет поговорить Стелла.

И тут я вышел из шокового состояния. Оглядел толпу, которая мельтешила перед глазами. Я искал глазами Марину, но никак не мог отыскать её в пёстрой толпе.

Я догнал её на дороге. Она словно обезумевшая бежала по трассе без определённой цели. Лицо её горело ярким румянцем, а по щекам бежали слёзы. Я смотрел в её влажные глазки, и читал их как открытую книгу. Я мысленно попросил у неё прощение, а потом припал к её солёным от слёз губам.

Записные книжки

Прохожий

Это был не обыкновенный дождь. Не весенний – с грохотом грома и величием молнии, с крупными каплями, тяжесть которых чувствовали на себе горожане, попавшие врасплох, не летний – чьи слезинки образовывали в выемках асфальта пузырящиеся лужи, не осенний – медленный, нудный, однотонный. Тоска и уныние. И даже не зимний, чьи миллионы колючих льдинок были не только очень чувствительны, но и неприятно резали слух. Нет. Он не был похож ни на один из них. Миллионы мельчайших крупиц воды не падали на город. Они просто висели в воздухе, образуя сплошные водяные занавесы, пропитывающие все вокруг. Этот дождь не мешал ни работе городского транспорта, ни говорливой толпе горожан. Жизнь не останавливалась ни на одно мгновение, продолжая идти по дорогам судьбы.

Семен Иванович стоял на перекрестке двух самых оживленных улиц и подгадывал время перейти на другую сторону. Решиться на это у него не хватало смелости и уверенности. Совсем он стал слабым человеком. Да и что говорить? Как-никак уже девятый десяток разменял. Он окинул взглядом толпу, ища в ней того, кто бы смог помочь ему. Лица

серые и унылые. Здесь нет ни сострадания, ни понимания. На всех лежал отпечаток собственных проблем и задач. Каждый был закрыт в своей скорлупе, и никто не видел дальше ее. И тут Семен Иванович заметил его. Парень хромал, его походка напоминала поступь медведя. Шел с непокрытой головой, глядя себе под ноги. Было сразу видно, что он старается никого не замечать и самому быть не заметным. Словно совершил какой-то тяжелый грех, и теперь, чувствуя себя виноватым, идет на судилище. Когда парень поравнялся, Семен Иванович окликнул его:

– Парнишка, помоги мне.

– Пожалуйста, – парень словно очнулся и огляделся.

Взяв парня под руку, старик почувствовал, как от того пахнуло спиртным. Он уже хотел отказаться от помощи пьяного, но какая-то внутренняя сила остановила его намерения. Они медленно пересекли перекресток.

– Ты пьешь? – Семен Иванович на мгновение поймал взгляд паренька.

– Нет, ответил тот, – и добавил после паузы. – Я обретаю свободу.

– Это утопия. – Покачал головой старик.

– Я стесняюсь людей.

Семен Иванович понял его. Он сам вернулся с войны хромым. Но тогда таких было тысячи. Да и время было иное. Другие нравы и иные ценности. Мир стал жестоким. И разве можно осуждать его за эту фобию: боязнь людей?

– Но они же ничего не замечают. Каждый сам по себе.

– Стоит оступиться, и они проснутся. Чтобы позлорадствовать. Тяжелое время.

– А время тут и не причем, – разозлился вдруг Семен Иванович, хотя минутами ранее так же думал. – Тут виноваты мы сами. Мы отошли от Бога.

– Отошли?! – брови парня взметнулись вверх. – Нас с детства приучали к другому идолу. Мы ломали церкви, преследовали служителей веры. Нас били по рукам, когда мы пытались перекреститься. Пришло время собирать камни. Время расплаты.

– Покаяния. Время покаяния. Запомни: никогда не поздно пересмотреть свою жизнь.

– Разве? Мы же пишем ее сразу на беловик.

Они за разговором не заметили, что давно перешли улицу, что стена дождя стала плотнее, даже дышать стало труднее.

– Ты, видать, уже устал от жизни, сынок? И это в 20 лет? А ведь она только по большому счету только начинается. Не стоит идти на поводу своего настроения. Надо бороться за место под солнцем. Докажи сам себе, что ты человек, что по канонам занимаешь место и живешь не зря.

– Трудно одному. Один в поле не воин.

– Сам с собой ты должен справиться самостоятельно. В одиночестве. Переступи эту черту и ты увидишь мир новыми глазами. Ты обретешь желание жить.

– Вы говорите правильные вещи.

– Это жизненный опыт.

– Вы, наверное, счастливы?

– Я? – старик покачал головой. – Совсем нет. Я знаю только теорию. Что такое счастье? Человек – кузнец своего счастья. А я ждал. Жил и ждал, когда это счастье вывернет мне на встречу из-за угла. Я-то ждал, а вот жизнь – нет. И она прошла. Сначала я был слишком молодым,

потом слишком беззаботным,

потом слишком самоуверенным,

потом слишком занятым,

потом слишком озабоченным,

потом слишком старым,

а теперь слишком поздно.

Не повторяй моих ошибок, сынок. Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Ибо завтра может быть уже будет поздно, ибо завтра может и не наступить.

– Где же мне черпать силы?

Семен Иванович остановился и посмотрел парню в глаза. Его взгляд словно проник в самые глубинки души, читая ее как открытую книгу.

– Есть на свете такая сила.

– Где?

– Здесь, – старик положил руку на сердце. – Это любовь.

– Любовь?

– Святая любовь. К матери. К Родине. К Богу.

Он открыл свою сумку и достал книгу. Это была Библия.

Протянул парню, процитировав четверостишие:

Читай Библию, сынок.

Это Книга всех книг.

Не жалея на нее часов,

Ибо жизнь – всего лишь миг.

Парень взял книгу и склонил голову. Задумался. Старик вдохнул в него жизнь. словно легкий бриз наполнил паруса, и кораблик ожил, рванулся куда-то в неизвестность, навстречу горизонту.

Он поднял голову, желая поблагодарить старика за подарок, но того уже не было. Только город и мокрый асфальт. И тишина. Звонящая и заманчивая.

Я часто бываю в гостях у него. С ним легко и уютно. Он полон оптимизма и радости жизни, которыми делится со всеми. Без разбора и выгоды.

Библия стала его настольной книгой.

Путь к горизонту – бесконечный путь. Но желание от этого не становится меньше. Вновь ветер рвет паруса, и я направляю свой незавидный ялик вперед, к горизонту. Навстречу звездам и мечте. Достигну ли я его? Не знаю. Но знаю одно: я не устану, и сердце мое не остынет. Никогда!

Потому как вечны: и Мать, и Родина, и Бог! И горизонт!

Стерва

=1=

– Привет! – Виталий переступил порог этого гостеприимного дома, где жили его студенческие друзья.

– Привет. – Его встретила Алсу. Они обменялись дружескими поцелуями в щечку. – Раздевайся, проходи.

Это бойкая, все еще по-девичьи стройная, женщина поспешила на кухню, откуда доносились аппетитные запахи.

– Мой руки. – Уже из кухни крикнула она в приказном порядке.

Виталий улыбнулся: характер Алсу несколько не менялся, не смотря на все перипетии жизненных дорог.

– А где Равиль? – поинтересовался он, занимая за кухонным столом свое привычное место.

– В детский сад ушел, – она бросила взгляд на часы, – наверное, решил погулять.

– Аппетит нагуливает, – улыбнулся Виталий.

– Погода отличная, – согласилась Алсу. Она все делала быстро, но аккуратно. За ней было приятно наблюдать. Сердце радовалось за друга, порождая зависть. Такая легкая белая зависть. А вместе с ней и обида на свою судьбу, в которой ничего путного не получалось. Это и вспыхнула на короткое время в его глазах, и он попытался как можно быстрее вернуться в привычное, веселое, расположение духа. Но Алсу

все же заметила игру кардинально различных чувств.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, с чего ты взяла? – он удачно постарался широко и непринужденно улыбнуться. Да вот только Алсу на мякине не проведешь, она лишь махнула рукой:

– Брось, Виталя, ты никогда не мог обманывать.

– Что, написано на лице?

– В глазах.

Из прихожей послышались голоса и шум.

– Вот и пришли, – радостно сказала Алсу, и счастье отразилось в ее карих глазах. Просто выплескивалось наружу. Такой счастливой, дружной семьи Виталий никогда не видел. На кухню забежала Чулпан, чудо-девочка пяти лет от роду.

– О! – воскликнула она. – Дядя Вита пришел. – И тут же забралась к нему на колени. Пристально посмотрела гостю в глаза. Виталий лишь рассмеялся в ответ, и достал из кармана банан. Чулпан нахмурила бровки.

– А конфетка?

– От сладкого зубки болят. Помнишь, как в прошлый раз разболелись?

– Помню.

– Вот. А от банана – сплошная большая польза.

– Ну-ка, слезай с колен дяди Виты, переодевайся и мой руки.

– Мама, – жалобно протянула девочка, на что Алсу что-то быстро сказала по-татарски. Чулпан тут же послушалась,

спрыгнула с колен Виталия и убежала. В дверях столкнулась с отцом.

– Осторожно, шалунишка, – усмехнулся он и поздоровался с другом. – Что-то ты редко заглядываешь к нам. – С укоризной сказал он. Поцеловал жену в щечку и присел за стол.

– Дела, заботы, командировки.

– Да, – с большой долей грусти в голосе согласился он. Жизнь с каждым днем становится все быстротечней, забитой делами до последней минуты. Вздохнуть полной грудью – и то некогда.

А дальше вечер потек по давно сложившейся традиции. После сытного ужина и неспешного чаепития с разговорами и рассуждениями, каждый занялся своими делами. Чулпан закрылась в своей комнате, где обустраивала домик для Барби. Алсу уткнулась в ноутбук и занялась переводом очередного детектива с аглицкого языка на татарский. А Равиль с Виталием сели за шахматную доску. Занимались одним видом спорта, а говорили совсем о другом. Футбол – это нескончаемый сосуд для разговоров, споров и рассуждений. Гармония и спокойствие так и витали в воздухе.

Виталий ушел около одиннадцати часов вечера. Алсу с Равилем, лежа в постели, готовились ко сну и вели разговоры о нем.

– Как ты думаешь, чем озабочен Виталий? – поинтересовалась Алсу. – Сердцем чувствую, что наш убежденный холостяк влюбился.

– Влюбился, – подтвердил догадку жены Равиль. – Вот только это совсем не похоже на его прежние состояния влюбленности. Помнишь, как это происходило в институте?

– Ну, ты и сравнил! – усмехнулась Алсу. – То была юность и страсть. А в наши теперешние годы влюбляются совсем по-другому. Это не всплеск эмоций. Это не извержение вулкана. Это, – она немного призадумалась. – Это похоже на то, когда горит торфяник. Под толстым слоем земли.

– Да ты у меня просто поэт! – восхищенно сказал Равиль, открывая в супруге что-то новое и неизведанное. Задумался, помолчал, а потом полностью с ней согласился:

– А ведь ты права. Очень похоже.

– Интересно, кто она? – в каждой женщине от природы заложено любопытство. И от этого никуда не денешься.

– Я знаю ее. – Спокойно так доложил Равиль.

– Знаешь? – Алсу присела в кровати и посмотрела на мужа, хотя глаза к темноте еще не привыкли, и она ничего не видела.

– Мы обедаем в одном кафе. Сама же знаешь, что наши офисы находятся рядом. Вот и пересекаемся в «Клубничке».

– И как она?

– Мне трудно судить. Женщина как женщина. И вообще, они все для меня одинаковы. Кроме тебя, естественно. На остальных же я смотрю просто как на представителя homo sapiens. А не как на женщину.

– Да? – лукаво засмеялась Алсу.

– Да. – Серьезно ответил Равиль, и тоже присел в кровати. – Слушай, да ты сама ее наверняка встречала.

– Где?

– Она работает в «ТК-Телеком». А офис у них находится как раз в том же здании, где и ваша контора.

– «ТК-Телеком»? Да. Офис у них на третьем этаже. Фирма не большая. Но подожди! Я ведь там почти всех девчонок знаю. Встречаемся постоянно, ведем общие дела, общаемся. Как ее зовут?

– Не то Анна, не то Яна.

– Яна! – воскликнула Алсу. – Крашенная платиновая блондинка? Симпатичная родинка на щеке? Карие глазки?

– Да. Точно, она.

Алсу после столь резкого всплеска активности вдруг замолчала, думая о чем-то своем. Равиль терпеливо ждал, что еще добавит супруга об этой женщине. И дождался-таки.

– Надо мне поближе с ней познакомиться. Приглашу я завтра ее на обед. Но не вашу «Клубничку», а в пиццерию.

– Давай, милая, – поддержал ее муж. – Прощупай почву. Кажется мне, что у них с Виталием не все так гладко складывается. Хотя и часто я их вижу вместе, но друг от этого веселее не становится.

– Ладно. Давай спать. Утро вечера мудренее.

=2=

Между ними сразу как-то быстро и безболезненно возникло взаимопонимание и заинтересованность. А может

просто сыграл фактор случайного попутчика. Сидели за столиком уютной пиццерии, с бокалами итальянского вина и кресс-салатом, жареный с панчеттой. Алсу умело и даже как-то профессионально (она в одно время увлекалась психологией) подталкивала Яну на откровенность. Та даже и не подозревала, что Алсу действовала из корыстных побуждений. Сначала разговор протекал на отвлеченные темы: погоде, сериалах и светских сплетен. Но плавно и постепенно скатилась их беседа на личную жизнь.

– А ведь ты не замужем? – скорее не задала вопроса, а констатировала факт Алсу.

– Была, – согласилась Яна, и потрогала обручальное колечко. – Развелись три года назад. До сих пор удивляюсь, как я могла целых пять лет жить в этом кошмаре.

– Так ужасно?

– Триллер! – махнула рукой Яна. – Хотя знаешь, выходила-то я замуж по большой любви. И казалось мне тогда, что я – самая счастливая, и что эта феерия продлится до конца моих дней.

Алсу только тактично кивала головой:

– Быт съел всю любовь, как вешнее солнышко сугробы.

– Точно. – Яна немного помолчала, пригубила вино. – Только не с моей стороны. Я ведь его тогда любила по-прежнему. А вот он. И вообще, все мужики – сво...! Вот скажи мне: почему до свадьбы – букеты цветов, а после – только гербарии? До свадьбы – лирическая поэзия, а после – горь-

кая проза.

– Как гласит народная мудрость (анекдоты тоже частичка сей мудрости): зачем уже пойманную рыбку кормить?

– Это точно, – горько согласилась Яна.

В пиццерию они пришли уже после окончания рабочего дня, а потому никуда не торопились. Повторили заказ.

– А что теперь? – осторожно, не навязчиво поинтересовалась Алсу.

– А теперь я правлю балом! Теперь это они ходят передо мною на цыпочках и исполняют любую мою прихоть.

– Мстишь? – Алсу широко улыбалась, хотя в душе зарождалась тревога за близкого друга семьи.

– О. нет! – так же улыбнулась Яна. – Скорее всего, возмещаю убытки. За пять лет унижения и страха. Вот только, – улыбка пропала, и тень грусти накрыло лицо.

– Что? – Алсу почувствовала, что разговор, наконец-то, приближается к основной теме. В ней пробудился нетерпеливый азарт.

– Время уходит. Мне уже тридцать лет. Пора подумать и о материнстве.

– Так остановись. Найди подходящую кандидатуру, выйди замуж.

– Не знаю, – пожалала плечами Яна, – мне иногда кажется, что я уже никогда не смогу полюбить. Внутри все перегорело, а золу уже не подожжешь. Инвалид на чувства.

За столиком на некоторое время опустилась тишина. Си-

туация казалась тупиковой.

– Вот возьму, и рожу для себя. Хотя, – Яна вновь преобразилась, – может, стоит еще несколько лет помучить мужиков? Как ты думаешь?

Алсу не могла объективно ей что-то посоветовать. И потому предпочла отмолчаться.

Домой она вернулась усталая и опустошенная. С ворохом необузданных, кардинально противоположных чувств. Равиль встретил ее в прихожей, помог снять пальто.

– Ужин готов, дорогая.

– Что-то совсем нет настроения.

– Ну, как?

– Ой, не знаю, – честно призналась она. – И Яну можно понять, и Виталия ужасно жалко, раз он попал в ее сети.

И она вкратце пересказала их беседу с Яной. Равиль почесал переносицу, нахмурился.

– Как я понял, что Яна никаких чувств к Виталию не испытывает. Просто держит его на коротком поводке, чтобы на всякий случай он оказался рядом, под рукой.

– Наверное, – со вздохом согласилась Алсу.

– Знаешь, как мы называли в молодости такой тип женщин?

– Как?

– Стервами, – грубо ответил Равиль.

– И что обираешься предпринимать?

– Честно?

– Да.

– Не знаю.

=3=

Яна сидела в кресле и пустым взглядом смотрела на экран телевизора. Мыслями она была совсем далеко от повседневности. В душе с каждой минутой все больше и больше закипал гнев. Праведный гнев. Сегодня у нее был день рождения. Круглая дата. В гости на празднество был приглашен всего один человек: Виталий. Парень, который влюблен в нее без памяти. Хотя, он и не говорил ей об этом ни разу, но глаза его! Глаза не могут обманывать, тем более, когда они столь красноречивы. В них столько любви и преданности, что иногда это даже немного пугает. Но в тоже время и радовало, что ради тебя человек готов пойти на все. Самолюбие было полностью удовлетворено, и пора было ставить жирную точку на их отношениях. Но Яна, удивляя саму себя, почему-то не особо спешила ставить эту самую пресловутую точку. Она раньше не допускала того, чтобы ее отношения с мужчинами достигали столь серьезного уровня. Когда чувствовала приближение опасной черты, то прекращала отношения, порой ничего не объясняя оппоненту. А вот с Виталием не спешила. Боялась, что его впечатлительность толкнет на необдуманный и страшный поступок. Хотя и возраст солидный, но такая слепая любовь и с мудрецами творит необъяснимые метаморфозы.

Виталий опаздывал, что ранее за ним замечено не было.

– Мог бы и позвонить. – С обидой говорила себе Яна, чувствуя, как гнев уже бурлит опасными симптомами. И тут мобильный телефон, наконец-то, подал признаки жизни и залился популярной мелодией. Звонил Виталя, но Яна не спешила брать трубку. И только после пятого звонка взяла, и выдохнула:

– Да.

– Привет.

Она промолчала.

– Извини, я немного опаздываю. Возвращаюсь из командировки. Погода ужасная. Гололед страшный. Скорость особо не прибавить. Алло! Ты слышишь меня?

– Да, – раздраженность не маленькими порциями, как задумывала, а сразу вылилась скопом. Она отключила телефон.

Прошла на кухню, бросила взгляд на сервированный стол. Закуска остывала. Обида выплеснулась в обилие слез.

– Ну, Виталик, – погрозила она в пустоту, – надолго ты запомнишь это.

Она принялась настраиваться на грандиозный скандал, даже предусмотрительно приготовила несколько старых тарелок для бурного разговора. Готовила мысленно речи, одна обиднее другой.

Но Виталий так и не приехал в этот вечер. Яна прождала его ровно до полуночи, а потом отправилась спать. Но ей не спалось. Эта бессонница с ее мыслями и думами пророс-

ла в большое сомнение. Сомнение в правильности своих поступков, в своем стиле жизни, в жизнеспособности личного кредо. Он надеялась. Что утром-то Виталий обязательно позвонит, но мобильник упорно молчал. И, наконец-то, потеряв всякое терпение и наступив гордости на горло, она сама набрала его номер. Намерение у нее было одно: наговорить как можно больше грубостей и разорвать все отношения.

– Да, – раздался мужской, но незнакомый голос.

– Мне бы Виталия.

– Он в больнице.

– Как?

– Вторая городская. Хирургия. Третий этаж. Палата №310. – Собеседник порционно выдал лаконичную информацию, и отключился.

Яна медленно опустилась на диван. В голове пронесся вихрь мыслей, которые, в конце концов, сложились в ясную картину. Виталий возвращался из соседнего городка из командировки, на своей машине. Ужасный гололед, ночь. Он мне звонит, а я грубо отвечаю. Он прибавляет скорость, и ....

Яна схватилась за голову. «Хирургия? Боже! Он попал в аварию!»

Она вскочила и заметалась по комнате, натыкаясь на мебель и смахивая со столика газеты, видеокассеты, хрустальную вазу. Но не обратила на это никакого внимания, хотя прежде очень бережно, и порой скрупулезно, относилась к вещам. Глаза застилала слезы. В голове – пустота. До тех

пор, пока одна новорожденная мысль буквально не пронзила ее, заставляя остановиться от неожиданности. Постояла, прислушиваясь к себе, как бы желая проведать эту мысль на состоятельность. Время шло, но мысль лишь крепла, наполняясь силой и массой. Когда-то она уже испытывало подобное. Это была любовь. Чувство, на котором она уже поставила большой и жирный крест.

Через полчаса она уже была в фойе больницы и спорила с дежурной медсестрой, которая не пускала ее дальше приемного отделения.

– Понимаете, – рыдала Яна в голос. – Мне обязательно, мне просто необходимо его увидеть. Мне надо сказать ему, что я его люблю! Он не знает об этом.

– Успеете еще сказать, девушка, – мягко успокаивала ее пожилая медсестра.

– А если не успею? – спросила Яна, и от этой перспективы слезы вновь брызнули из глаз.

– Ну, что вы?

– Что с ним?

– Ни чего страшного. Аппендицит – пустяковая операция.

– Аппендицит? – изумленно спросила Яна. Смысл не сразу дошел до сознания, а когда все же созрел, Яна облегченно вздохнула.

Чистильщик

Иван рос в полноценной семье с полным составом: родители и прародители. Но воспитанием мальчика занималась, в основном, только улица. Где он к своим неполным семнадцати годам приобрел непоколебимый авторитет. По крайней мере, в своем дворе он был и царь, и бог. Даже старшие по годам парни прислушивались к его мнению, разиня рот, и старались беспрекословно выполнять любые его пожелания и прихоти. В конце концов, «власть» испортила его, еще не окончательно сформировавшийся, характер, порождая вредные привычки и замашки. Чувство вседозволенности и превосходства однажды переступило все мысленные грани.

В каждом уважающем себя дворе существует своя королева. Девчонка, с которой мечтает прогуляться любой парнишка. Девчонка, которой завидует любая другая. Девчонка, о которой взрослые говорят: надо же уродиться такой красивой и умненькой. Светочка-конфеточка в свои пятнадцать лет уже примерила на себя роль красавицы двора. И по заслугам. Чистый воды ангелочек, сошедший на грешную землю, чтобы хоть как-то украсить серость бытия.

Кто знает, как повернула бы эта история, если бы она обратила свое внимание на Ваню. Но, нет, не обратила. Да и обращать-то особо было не на что. Не было в нем «изюминки».

На гитаре он не играл, бицепсами похвастаться не мог, стихов отродясь не учил. К тому же постоянно в потертых джинсах, вытянутом свитере и армейских высоких ботинках. Перспектив на изменения к лучшему тоже не просматривалось. Пустое место, именно так она и относилась к парню. Противоположные чувства он испытывал к ней. Ах, какое огромное чувство теснило его сердце! Ах, какие страсти бушевали на его душе! Просто дух захватывало. Но и ума у Вани хватило на то, чтобы понять: девочка не его полета. Что он может предложить ей? Какое будущее? И как бы больно не было это признавать, но нашел в себе силы. Любил на расстоянии, обожествлял со стороны. И радовался, наблюдая, как счастлива она.

Но однажды произошло то, что окончательно изменила его жизнь. Сидела вся дворовая компания в беседке, поглощая дешевый портвейн, закусывая сигаретным лишь дымом. Бренчала ненастроенная гитара, звучали анекдоты, поддевки друг над другом. Короче, обстановка была радужной. И вдруг эта тихая идиллия оборвалась в один момент. Внимание молодых людей привлек новый шикарный джип, так вальяжно заехавший во двор, остановился около первого подъезда и приятно посигналил. Затем из него вышел молодой человек, кавказкой национальности. Стал демонстративно медленно прогуливаться вдоль машины, упиваясь собственной гордостью и значимостью.

– Чурка! – прошипел кто-то из подростков с презрением

ненавистью в голосе. Его настрой мигом охватил всех. Синдром толпы сработал вновь безотказно.

В это время из подъезда выскочила Светлана. Вся такая воздушная, радужная, светящая от счастья. Загляденье, от которого защемило юное сердечко. И это прекрасное создание вдруг подбежала к кавказцу, игриво приняла его объятья и мимолетный поцелуй в щечку. Компанию просто разбил паралич. А влюбленные между тем собрались скрыться в тонированном чреве джипа. Но не тут-то было. Ивану словно ножом по сердцу полоснули. В голове все помутилось, и густой туман застелил глаза. В следующее мгновение он оказался около машины и не позволил молодому человеку открыть дверь иномарки.

– Тебе чего? – с сильным акцентом спросил тот.

– А езжай ты, баран горный, по добру, по здорову. Вот только девочку оставь в покое.

– Чего? – до него с трудом дошло оскорбление.

Света бросилась между ними:

– Ванька, ты чего, белены объелся? Да ты пьян! – она повернулась к парню: – Ашот, успокойся. Это наш местный Ванечка.

Это ласкательное «Ванечка» еще больше разозлило Ивана. Он отодвинул Свету и без лишних слов набросился на Ашота с кулаками. Завязалась горячая и очень быстрая драка, в итоге которой Иван оказался лежать на асфальте. Ашот явно владел приемами какого-то единоборства. И пока

Ваня лежал, пытаясь восстановить дыхание, Ашот со Светой покинули негостеприимный двор. И только тогда вся компания подростков бросилась на помощь своему вожаку. Довели до беседки, кто-то прикурил сигарету, кто-то побежал в ларек за новой порцией портвейна.

– Чурка черножопый!

– Резать таких надо!

– Загадили весь город.

– Негры.

– Кавказцы.

– Евреи, – раздавались возмутительные голоса.

– Вот я прочитал недавно книгу Суворова, ее раньше за-прещали печатать, так вот, там говорится, что во все време-на всегда и везде каждая нация пыталась очистить свои ря-ды от таких изгоев. Последние примеры: Гитлер и Сталин. Они вели в этом направлении одну и ту же политику. А что сейчас? Русского реже встретишь на улице, чем иностранца.

– Чистить надо нацию. – Наконец-то, подал голос Иван, и эти слова прозвучали призывом.

Город захлестнула волна преступлений. В основном, это было беспощадное избиение граждан, которых объединял лишь один аспект – все они были не русскими. Евреи, вы-ходцы из Кавказа и Средней Азии, африканцы – студенты подвергались насилию, с применениями цепей, кастетов, бит для бейсбола. Милиция сбилась с ног в поисках банды под-ростков, которую они окрестили «коричневыми». Потому,

как проглядывалась в их действиях идеология баркашовцев и фашистов. Иногда попадались мелкие хулиганы, которые и сами толком ничего не знали. Лидеры банды были хорошо засекречены.

Иван со своей командой преданных подростков все чаще собирались в беседке, где вместо блатных песен и портвейна лились серьезные разговоры и планировались новые акции. Уже многие студенты с черной кожей покинули местные ВУЗы. Уже многие кавказцы сменили рынки и базары на соседние регионы. Уже многие азиаты прекратили строить особняки зажавшимся богачам. И это не могло не радовать бригаду. Им и, правда, казалось, что город стал чище, что легче стало в нем дышать. Читали соответствующую литературу, благо, что на книжных лотках имелась в продаже абсолютно любые книги и брошюры. Юные, еще полностью не сформировавшие, души, как губка, впитывали бесчеловечные лозунги и призывы. Для многих это стало стилем и смыслом жизни.

– Сейчас я вам расскажу одну новость, от которой у вас башню снесет. – Иван заинтриговал толпу.

– Ну?

– У нас в городе проживает чеченка.

– Чеченка!!! – толпу охватил шок от новости. Это как надо обнаглеть, чтобы жить в русском городе?! Крепко засела в сердцах ненависть к представителям этой национальности. Свежа еще рана Бунайска, Кизляра, Москвы.

– Кто?

– Некая Чулпан Базаева. Студентка университета гуманитарных наук. Проживает в общеаге №2, второй этаж. Окно ее комнаты как раз над козырьком входной двери.

– Чеченок не надо пугать!

– Их надо только резать!

Зло кипело в атмосфере. Все, без исключения, были уже готовы сорваться с места и двинуться толпой к общежитию. Но властный голос лидера остудил их пыл:

– Я сам! – тон не терпел никаких возражений, и толпа, нехотя и не сразу, стихла.

Забраться на козырек было делом пустяковым, особенно для молодого и иногда занимающегося спортом человека. Окно, к его большому удивлению, не было закрыто изнутри. Иван легко проник в комнату и осмотрелся. Базаева проживала в большой комнате одна. Понятное дело, желающих делить кров с чеченкой не было. Скромная, привычная для общежития, обстановка. Шкаф, кровать, стол с графином, прикроватная тумбочка, на которой лежал «Коран». Иван решил дожидаться хозяйку, спрятавшись в шкаф. Эффект внезапности мог дать большую фору. Нервы он старательно успокаивал игрой с ножом-бабочкой. Время шло слишком медленно и тягуче. И вот наконец-то послышался звук открываемой двери. Следом щелкнул замок и включатель. Полоска света проникла в темноту шкафа, и послужила призывом к действию. Иван выскочил из шкафа. Девушка почти

бесшумно ахнула, но не сдвинулась с места. Иван невольно задержал на ней взгляд. Джинсы и топик, которые ну совсем не вписывались с образом мусульманки. Но черные, как воронье крыло, волосы, смуглый цвет лица, и особенно глаза выдавали в ней чеченку. Глаза были черные-черные, глубокие-глубокие. В такие глаза хочется смотреть целую вечность. В такие глаза нельзя было не влюбиться сразу и навсегда. И это едва не сбило Ивана от задуманного плана.

– Ты кто? – спросила спокойным голосом Чулпан, и вернула Ваню к действительности.

Он шагнул к ней и представил к ее тонкой шейке нож. В мгновение в ее очаровательных глазах проснулся испуг. Но даже и он был по-своему прекрасен. Но и гнев не спешил отпускать Ивана. Одним движением он расстегнул молнию на ее топике, на короткий миг обнажились маленькие острые девичьи груди. Чулпан ахнула и прикрыла их ладошками. Она боялась делать резкие движения из-за ножа, чье холодное лезвие упиралась в горло. Лишь дыхание и сердцебиение усилились, а уголки глаз повлажнели, придавая им еще большую выразительность и бархатность.

– Знаешь, кто я? – прохрипел он.

– Чистильщик.

– Чистильщик. – Иван и не знал, что под таким именем он был известен в городе. Было даже немного приятно.

– Ты пришел за моей жизнью? – тихо, и почти уже без испуга, спросила она.

Что случилось с Иваном в тот миг, он и сам впоследствии не мог внятно объяснить. Опустилась рука, щелкнув, нож сложился, пряча свое смертоносное лезвие. Ничего не говоря, Иван покинул комнату тем же путем, каким и проник. Спрыгнул на землю и скрылся в темноте.

Вечером следующего дня он хмуро, с какой-то усталостью в голосе, вдруг объявил:

– Все! Хватит! Бригада наша распускается. Мы на карандаше в милиции и спецслужбах. Становится слишком опасно. Хотя, это и не так важно. Важно другое: игры закончились. – И не стал дожидаться реакции пацанов, покинув беседку.

Несколько дней он безвылазно просидел дома. Валялся на диване, тупо глядя в телевизор. Даже блуждание по каналам в поиске чего-нибудь интересного не предпринимал. Его головы не покидали мысли о чеченке. Ее черные глаза повсюду мерещились ему. А стоило забыться тяжелым сном, как она являлась в сновидениях. Он чувствовал близость сумасшествия. Когда телевизор приелся до тошноты, Иван, от нечего делать, стал пересматривать скудную библиотеку родителей. И неожиданно для себя наткнулся на томик стихов Расула Гамзатова. Открыл для себя много нового, если не сказать больше. Целый мир распахнул перед ним ворота. Созрел план, который он собирался тут же осуществить. Но помешал неожиданный приход участкового.

– Здравствуй, Ванюша.

– Здравствуйте, Федор Иванович.

– Поговорить бы.

Они прошли на кухню, где хозяин предложил испытать по чашечке чая.

– А ведь я тебя вычислил. – Сказал тихо этот старый, опытный участковый. – Ты, Ванюша, и есть тот самый пресловутый Чистильщик.

– Что? О чем вы, дядя Федя?

– Света мне рассказала о вашей стычке с Ашотом. И вскоре в городе начались погромы.

«Значит, не Чулпан», – почему-то с большой радостью подумал Иван, чувствуя возросшую симпатию к черноглазой. Вернулся вновь к старику, который продолжал тихо и спокойно говорить:

– Я следил за тобой. Но ты несколько дней не выходишь из дома. Что, завязал? А может, совесть проснулась?

– Я не понимаю вас. – Иван усердно гнул свою линию.

– Все ты прекрасно понимаешь. А как твоя банда? Выберет сейчас нового вожака, тогда и тебе не поздоровится. Сам понимаешь, ты парень не глупый. Придется всех сдать, Ванечка. Но и самому ответить за свою глупость придется. Во всей строгости закона. Думай, Ваня, думай. – И, тяжело вздохнув, не попив чая, Федор Иванович покинул квартиру.

Чулпан без всякого страха возвращалась себе в комнату. Почему-то была искренне уверена, что Чистильщик больше не появится в ее жизни. А если даже и придет, то только

не с плохими намерениями. Что-то при их встрече с ним произошло, что-то заставило дрогнуть в душе, раз он не осуществил свое черное дело. Даже в столь не радужном деле, она могла почувствовать гордость собой. Это она! Это ее красноречивый взгляд внес душевную сумятицу в бессердечного Чистильщика. Надо же, скромная девчонка Чулпан Базаева остановила опасного преступника.

Неделю спустя после памятного вечера, она обнаружила на своем столе шикарный букет цветов, с вложенным листом бумаги.

Аварец, конечно, не чеченец. Но прими от всего сердца.

Эта женщина входит ко мне по ночам,
чтобы мне по ночам не спалось.

В лунном свете сверкая, скользят по плечам
ливни чёрных роскошных волос.

Засыпаю... И вдруг, словно камень в окно...
Засмеётся и скажет: «Вставай!

В одеяло не прячься, заснуть всё равно
не удастся тебе, не мечтай»

Я не знаю, где видел её и когда...

но меня она знает насквозь,
говорит, что в большие дожди, холода
убережься мне не удалось.

Прости за все. Ваня, чистильщик

Радостно забилося девичье сердечко. И кто сказал, что смуглые люди не краснеют? Румянец залил ее лицо густо

и жарко. Всю ночь девочка, впервые открывшая для себя новое чувство, не могла уснуть, прибывая в мире грез.

А утро принесло боль. Безмерную и безграничную боль. На первых полосах всех местных газет красовался портрет Ивана, с небольшой статьей – комментарием:

«Вчера был обнаружен труп Ивана Соколова, больше известного как Чистильщик.

На груди убитого лежал лист бумаги с единственным словом: «Предатель».

Так члены банды отомстили своему главарю, который решил прекратить преступную деятельность. По горячим следам удалось арестовать большую часть формирования.

Город может спать спокойно»

2006

Finite

Почему на сердце так тяжело? Почему нет и нет, нахлынет тупая тоска? Без видимых причин. Мысли до конца не сформированы, схватывают душу в металлические тиски и сжимают, сжимают. Непонятная тревога висит в воздухе вперемишку с капельками влаги. Мерзкая погода. По мне, уж лучше прошёл дождь проливной, да выглянуло солнце, чем эта неопределённость. Надеюсь, что после нашего свидания всё переменится. И пусть непогода останется непогодой, но в душе должно прийти прояснение. Увижу я его глаза, и боль успокоится, тревога улетучится. И вкус к жизни вновь обретёт актуальность.

Какая дивная погода. Есть оправдание перед собой, что я остался снова дома. Читать старые фолианты и творить пустоту. Играет музыка ДиДюЛи, чайник закипает. Хорошо! Так что день сегодняшней можно обвести в календаре красным, слово большой праздник для маленькой души. Ах, сегодня придёт Асия! А значит, и праздник двойной!

Грязный подъезд, обшарпанные двери, краска на стенах облупилась, пошла пузырями. Нищета кричит из каждого угла, окурки, пивные крышки, фантики, крошки чипсов. Помойка, дно, убожество. Трущобы современности. И среди этого хлама и амбре живёт он. Ну, кто подумает, что за этой фанерной дверью, окрашенной ещё в прошлом веке, живёт

человек с чистой, как родник, душой. И такой беспомощный в мире этом. Теоретик чистой чеканки. Он теряется в реальности, он не сможет выжить в диком мире лжи, обмана и предательства.

– Привет! Знаешь, я шестым чувством увидел тебя. Ты стоишь около моей двери и топчешься в нерешительности. Проходи, я ждал тебя. – Я целую в мягкую щечку, пахнущую фиалками и послегрозово́й свежестью в сосновом бору. Чистота! С которой так приятно, к которой так боязно прикоснуться, чтобы не запачкать.

– Ты просто знал, что я приду, и распахнул дверь за секунду до того, как я постучала бы в неё. В тебе живёт Романтик. Он-то тебя и погубит.

Пахнет низкосортным кофе и землёй от только что политых цветов, в основном кактусов. Почему-то только они растут в этой тёмной квартире.

– Почему ты не отвечаешь на мои звонки? У тебя опять сел аккумулятор, а ты вновь запихнул зарядное устройство неизвестно куда? А это что?

С удивлением смотрю, что в его стенке исчезли остатки посуды. А вместо неё аккуратно расставлены тома энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона.

– Вот! – с гордостью я показываю ей приобретённые книги. – Представь себе, приобрёл по дешевке. Восемьдесят два тома. Пришлось продать мобильник.

– Зачем? – недоумённо душит меня. – У тебя в квартире

и так одни книги. Ну, ладно, я понимаю художественные, а то одни справочники и словари.

– Я увлёкся составлением генеалогических древ правящих династий. Это очень интересно. Меровинги, Йорки, Птолеми, Яйгалло. Можно, конечно, сразу купить книгу о них. Но это не так захватывающе. Куда интересней, читая какую-нибудь книгу, наткнуться на имя очередного правителя и вносить его в древо. Сам процесс, само искание. Вот в чем соль и суть.

Спокойно, Асия. Спокойно. Он не исправим. Он останется таким. Трудно переделать человека в его тридцать лет. Да и он сам не захочет. Ему нравится ход жизни. Сам читает о красивой, но не поднимется выше кофе «Пеле» и макарон по-флотски. Большое дитя. Я то люблю, то ненавижу его. Но почему-то только рядом с ним мне становится так легко и покойно. Только в этой убогой квартире я чувствую себя самой красивой, самой желанной и самой востребованной. И ведь он никогда об этом не говорит. Но это так явно чувствуется. Его любовь лежит на поверхности, как эта пыль на подоконнике.

– Я беременна. – Шепчу я и наконец-то понимаю причины плохого настроения, апатии и тоски.

В его глазах плещется что-то непонятное. Какой-то коктейль из противоречивых чувств. А ведь это конец, конец нашим встречам, нашей дружбе, которая для окружающих просто необъяснимый парадокс. Но теперь конец неизбежен.

Сейчас я беременна, потом рожу. Буду целыми днями безвылазно сидеть дома, растить ребёнка и ублажать мужа.

– Поздравляю!

Наконец-то повезло девочке. Такая хорошая. Красивая пара. Так долго не было детей. И наконец-то свершилось! Ну, не должна Красота заканчиваться на ней! Неправильно это и несправедливо! Она должна повториться в своих потомках, чтобы и следующее поколение любовалось её чистой красотой и очарованием.

Он несколько не огорчился. Неужели не понимает, что нить, которая связывает нас, натянулась до предела и в любой момент может лопнуть, порваться. Господи, ну помоги мне! Ну почему, почему я не отпускаю его. У меня есть муж, который безумно любит меня и готов на всё ради того, чтобы быть со мной. И я ему отвечаю взаимностью. Ну, зачем я не хочу отпустить его? Почему мне так хочется посидеть с ним на тесной кухоньке, пить противный кофе, курить одну на двоих сигарету и молчать. Просто молчать. И в этом молчании черпать силы и оптимизм. Я так боюсь его потерять. Я так боюсь, что он встретит кого-нибудь и со своей детской посредственностью сожжёт мосты. Эгоистичная я особа.

Звонок.

– Ты кого-то ждёшь? – и страх, и ревность одновременно поднялись со дна души и помutilи разум. Он кивает головой. – Тогда открывай.

Озноб начинает бить меня. Он укрывает меня пледом,

протягивает чашку горячего чая. Закуривает, но тут же тушит. Вспоминая о моей беременности. Я знаю его до мелочей, каждый поступок его предсказуем. И всё же, как хорошо с ним и тепло.

Девочка моя, ты всё прекрасно понимаешь. У нас нет будущего. Даже простой дружбы. Рано или поздно это должно было случиться. Наша встреча была роковой, наши отношения – судьбы насмешка. Мы разные как небо и земля, как лёд и пламень. Две таких индивидуальности не могут быть долго рядом. Мы уничтожим друг друга. А в природе всё должно быть сбалансировано. Иначе наступит великий хаос! Это наша с тобой последняя встреча. Но ты не должна огорчаться. Просто знай, что где-то бьётся сердце, которое наполнено любовью к тебе. И я буду знать, что ты мимолётно вспомнишь меня, и румянец зальёт твои щёчки. Не это ли счастье – знать.

– Мне пора. Спасибо за молчание. Никто так выразительно не может молчать. Надеюсь, что мне хватит этого надолго. – Я как-нибудь позвоню тебе, и помолчу, – я улыбаюсь. Я заставляю глаза свои улыбаться. Излучать тепло и нежность. Мы же не теряем друг друга, мы просто расстаемся. Перестанем видеться, но мысленно будем рядом. Это высший уровень.

– Ты ничего не боишься, – говорю я с грустью. Меня пугает его спокойствие, граничащее с равнодушием. Он не позвонит мне, я знаю. Мы не встретимся с ним больше. Только

во снах он будет вечно рядом. Значит, счастье я буду черпать из сновидений.

– Я боюсь одного.

– ?

– Аллергии на книжную пыль.

В этом он весь. Без книг он умрёт. Мир, который он создал для себя. Прекрасный, изумительный мир счастья!

Хлопнула дверь. Всё! Finite! Только тонкий лучик света из-под двери даёт небольшую надежду.

2006

Попутчик

«Что в жизни каждого человека играет важную, а порой и судьбоносную роль. Конечно же – случайность. Стечение обстоятельств, коллекция факторов, объективные и субъективные причины порождают случай. Его Величество Случай».

Так начала свой первый рассказ Олеся. На поэтической стезе уже были достигнуты кое-какие вершины. И вот теперь она пробовала себя в прозе. Написав вступление молодая, 25 летняя девушка задумалась, глядя на мерцающий монитор компьютера. В голове крутились и сюжет, и фабула, и диалоги главных героев, но вот только не спешили выстраиваться в обдуманную линию, приобрести ясность и колоритность. И когда вроде бы она мысленно нащупала суть, как раздался дверной звонок. Чертыхнувшись про себя, Олеся встала из-за стола. Гадая, кто же это мог быть, она вышла в прихожую. Родители уехали отдыхать на юг, подруги обычно заранее договариваются о визите, ибо знали, как Олеся бывает занята. Либо работой, либо в творческом поиске. Поэтому: или случилось что-то неординарное, или соседка за какой-нибудь глупостью: щепоткой соли, коробкой спичек и прочее, прочее. Олеся так сильно была разозлена этим приходом незваного гостя, что, как-то не особо задумываясь, сразу же распахнула дверь. Мгновение спустя она

поругала себя за эту безрассудность. На пороге её квартиры стоял незнакомый парень. В руках он держал букет белоснежных роз, которые истощали умопомрачительный свежий аромат.

– Здравствуйте.

– Здравсти, – растеряно ответила Олеся, переводя взгляд с букета на его хозяина. Это был довольно симпатичный, 30-летний мужчина с карими, тёплыми глазами, окаймлёнными пушистыми ресницами, которым позавидовала бы любая девчонка.

– Олеся? – голос был таким же тёплым и мягким.

– Да.

– Это вам, – он протянул ей букет.

– Спасибо. – Олеся приняла букет, и аромат окружил её, опьянил. На некоторое время она даже потеряла чувство реальности.

– А вы собственно кто? – наконец-то она вернулась в действительность.

– Я? – он, кажется, даже удивился. – А вы не помните меня?

Теперь пришла очередь удивляться Олесе. Она никогда не жаловалась на зрительную память. Но теперь была в явном замешательстве. Парня она не помнила. Это отразилось на её лице, что заставило смутиться и парня, вгоняя в лёгкое замешательство. Он затеребил кончик уха.

– Это было два года назад. Я возможно сильно изменился.

Вот бороду сбрил.

– А где это было? – поинтересовалась Олеся.

– В автобусе.

– В автобусе?

– Да. Из города «А» в город «В»

Олеся нахмурила брови, напрягая память, и кое-какие отдельные видения пронесли у неё в голове. Что-то обрывочное, расплывчатое. Парень решил помочь ей:

– Мы тогда с другом возвращались из отпуска. Билетов нам не досталось и мы всю дорогу простояли в проходе. Стихи ещё читали.

Память наконец-то разблокировалась и выдала ясную и яркую картину.

– Так это были вы? – улыбка коснулась её полных губ, преобразовывая личико в само очарование. – Вы тогда читали сказку, Филатова «Про Федота – стрельца».

– Да, – парень обрадовался, что его наконец-то вспомнили

– Здорово! Это было здорово. Вы так хорошо читали её наизусть, да выразительно, да разными голосами. Весь автобус был в лёгком нокауте, аплодировал.

– Это точно, – смутился парень

Где-то, этажом выше, хлопнула дверь, и Олеся только сейчас заметила, что они так и стоят по разные стороны распахнутой двери.

– Ой, простите. Заходите, пожалуйста, – она без капли раздумья пригласила незнакомца в квартиру. Он с первого

взгляда не внушал ни капельки страха. Наоборот, порядочность и честность свободно читались на его симпатичном лице.

– Проходите сюда, – они прошли в гостиную. – Присяжайтесь.

Олеся достала вазу, сходила за водой и пристроила шикарный букет.

– Вы тогда были с бородой. Мне казалось: вот два сибиряка едут в отпуск на юг.

– Совсем наоборот, – усмехнулся парень, – мы с другом возвращались из отпуска. Провели целый месяц в походах, вдали от цивилизации. Дали себе глупый обет: не бриться. Смешными выглядели тогда.

Парень стеснялся, смущался и даже слегка краснел.

– Вы были тогда очень смелыми и раскрепощенными, – заметила Олеся.

– Выпили малость, – оправдался парень. – Казалось, что весь мир лежит у наших ног

– Так оно и было, – согласилась Олеся. – По крайней мере, после вашего триумфа на вас многие смотрели с восторженными и влюблёнными глазами.

– А вы?

– Я? – Олеся смутилась, но быстро взяла себя в руки. – А что я?

Парень опять растерялся. Со стороны это выглядело так, словно Олеся затеяла игру в незнайку и просто водит парня

за нос. А он теряется и не знает как дальше вести себя.

– Вот, – он открыл небольшой дипломат и, порывшись в нем, достал сильно потёртую газету двухгодичной давности. Развернул её и протянул Олеси. Она взяла и тут же, конечно, узнала. В этом номере «Молодёжки» был напечатан её блок стихов.

– И что? – она в недоумении посмотрела на парня.

– Это же ваши стихи?

– Да, мои. И что? – вновь она задала вопрос, от которого парня одновременно бросило и в холод и в жар. На лбу выступили бисерки пота.

– Я думал, что один из этих стихов посвящен мне, – осторожно сказал он.

– Тебе? – изумилась Олеся настолько, что перешла на «ты». – Какое стихотворение?

– Акrostих, – прошептал парень и тут же стал оправдываться. – Извините, я просто. Не знаю, почему так решил.

– Акrostих? – Олеся не слушала вялое бормотание гостя, она стала просматривать газету. – Какой ещё акrostих? Где?

Она посмотрела на него таким взглядом, каким следователи смотрят на подозреваемого. «Быстро говори, не юли и не тяни» – читалось в нём.

– Акrostих – это такое стихотворение, где заглавные буквы каждой строчки составляют слово. Он третий в блоке, – пояснил парень.

– Да знаю я, что это такое. – Ответила Олеся и прочитала

вслух:

Плакал дождь за окном,
Осень рощи обнажала.
Плыла тучка с ветерком,
Улыбку солнышка скрывая.
Ты комплименты говорил,
Чистые, как недотрога,
И читал, читал стихи
Коверкая «эр» немного.

ПОПУТЧИК. Попутчик? – изумление было искренним, не поддельным. – Надо же, как это у меня сложилось. Нежданно—негаданно. Чудеса какие-то.

Она взглянула на гостя. Глаза её излучали тепло и нежность.

– Почему вы решили, что стихотворение посвящается вам? В тот день вы всех осыпали комплиментами

Он молчал, опустив голову, и в волнение затеребил кончик уха.

– Просто мне показалось, что я вам понравился. Глупо всё вышло. Извините, – он посмотрел на неё, – И я немного коверкаю «эр»

Это было так по наивному красиво, что Олеся грустно улыбнулась. Не каждый день случается столь романтическое приключение, от которого повышается настроение и становится легко на душе.

– Как же вы нашли меня?

– Я сразу стал искать. И это было нелегко. Ни адреса, ни имени. Просто я катался по городу, ходил на дискотеки, в кино. А это уже большой подвиг с моей стороны. У меня фобия перед скоплением народа. А потом я прочитал эти стихи. Мне сразу подумалось, что это вы. Я ведь до этого ни кому вот так открыто не говорил комплименты. Да и вы мне понравились очень. Наверное, мне просто хотелось, что бы это оказались вы. Поехал в редакцию, но безуспешно. Никто не хотел давать вашего адреса. Не имели права. Пришлось приложить максимум усилий и вот.

Целый год прикладывали усилия?

– Пришлось подружиться с одним журналистом. А он заядлый рыбак, и мне пришлось полюбить рыболовство. Пока вошел в его доверие, пока то, да сё. Боялся сразу попросить ваш адрес, настоящее имя. Чтоб не заподозрили в корысти.

Он замолчал. Молчала и Олеся. Задумалась. Удивительно, что такое происходит в реальной жизни, да в настоящее время. Как же всё-таки приятно, когда ради тебя мужчины идут на такое. Это, конечно, ни подвиг. Ни стихотворение, ни хит эстрады. Но это упорство, эта целеустремлённость стоят не меньше. И ради чего? Что бы вновь увидеть её. Человек, готовый принести в жертву два года своей жизни ради короткого мгновения встречи, стоит, по крайней мере, уважения.

– Мне пора, – парень поднялся. – Извините меня ещё раз.

– Куда же вы? – спросила Олеся, удивляясь в этот миг сама себе. – Может, всё-таки попьём чайку. Познакомимся, в конце концов.

Их взгляды пересеклись. И как много они успели рассказать друг другу за столь короткий миг.

Олеся в тот вечер так и не села за работу. Но разве это потеря, если впереди замерли в ожидании многие года счастья?

2006

Если бы

Пейзаж за окном не радовал глаз. Листья с деревьев давным-давно слетели, а вот зима не спешила прикрыть осеннюю неприглядность своим белым покрывалом. К тому же моросил мелкий нудный дождик, смывая остатки былой пышной разноцветности. В мире царил серый, малопривлекательный цвет. Но даже в этой мрачноватой картине Михаил находил какие-то крохи прелести. Он сам не знал, что именно, но не мог заставить себя оторваться от лицезрения пейзажа затянувшейся с этом году осени. Сидел около окна с чашкой крепкого, сваренного по всем правилам, турецкого кофе и гаванской сигарой, от которой тонкой струйкой уплывал в форточку голубоватый дымок. В голове, как у младенца, не было никаких мыслей. Лишь мелькали отрывки воспоминаний, планов на ближайшее время, строчки стихотворений. Ничего целостного. Как индуистская нирвана.

Из этого состояния его вывела двенадцатилетняя дочка, вернувшись из школы. Как обычно, она с шумом разделась в прихожей, прошла в свою комнату, бросила в кресло портфель. Переделась в любимые, уже коротковатые, джинсы, футболку с Микки-Маусом и только потом прошла на кухню, где и обнаружила отца в глубокой задумчивости.

– Привет.

– Привет. – Михаил затушил сигару, обернулся. – Обедать

будешь?

По одному виду дочери определил, что в школе у нее очередная неприятность. Вспомнил расписание уроков на сегодняшний день, определил в нем «слабое звено», слегка улыбнулся:

– Как дела по математике?

Алена нахмурила брови:

– Как ты догадался?

– Пара?

– Лебедь, – грустно подтвердила Алена.

– Садись, – Михаил засуетился около плиты, разогревая суп.

– Это еще не все. – Добавила дочь.

– А что еще? – не отрываясь от процесса подогрева, заинтересовался Михаил.

– Тебя вызывают в школу.

– Опять?

– Опять.

– Что на этот раз? Разбила окно? Уронила горшок с экзотическим растением? – он поставил на стол тарелку с супом, нарезанный хлеб, сметану. – Тебе картошки или макароны?

– Макароны. – Алена принялась обедать. – Мм, как вкусно!

– Не увиливай, – все тем же спокойным тоном продолжил Михаил. Отношения с дочерью всегда носили дружеский и доверительный характер.

– Подралась. – Буркнула Алена.

– Это уже хуже.

– С Петькой.

– Это не меняет суть дела. Что не поделили?

– Он обозвал Наталью Орейро «уругвайской макакой», – с обидой в голосе поведала дочь.

Наталья Орейро для Алены была всем: и богом, и царем, и лучшей подругой. Ее комната смахивала на храм этой актрисы. Плакаты, календари, фишки, наклейки, кассеты, видеокассеты. Везде красовалась эта латиноамериканская красавица.

Михаил поставил тарелку с макаронами и котлетой перед Аленой, и сел напротив:

– Аленушка, это не оправдание. Нельзя доказывать свое мнение с помощью кулаков.

– А он по-другому не понимает.

– И все же.

– А! – она слабо махнула рукой. – Прорвемся.

– Эх, ты, атаманша.

– Фамилия такая, – улыbnулась дочь, понимая, что отец сегодня не настроен вести долгие, мучительные нравоучения.

– Кто хоть вызывает? Директор?

– Нет, – покачала головой дочь, допивая абрикосовый сок. – У нас новая классный руководитель, Алевтина Сергеевна. Вот, родители постарались наградить дочь таким име-

нем! А сама она ничего, симпатичная. Даже очень. Спасибо. – Алена упорхнула в комнату, откуда через мгновение зазвучал голос обожаемой актрисы.

«Алевтина!» – словно молния пронзила насквозь Михаила. И он вновь погрузился в непонятное состояние. Вот только воспоминания на этот раз полностью завладели им.

Михаил был скромным, тихим и незаметным парнем. Его мать не на шутку встревожилась, когда он справил двадцатилетний юбилей. Друзей близких у него не было, про девушку и говорить не приходилось. Вечерами он просиживал дома, читая серьезные книги, совершенствовал знания английского языка.

– У тебя ярко выраженная абулия, – часто повторяла она. – Патологическая нерешительность. Ты никогда не женишься. – И дело заканчивалось сердечными каплями и мигренью. Миша в ответ на эти замечания лишь отмачивался, и менять образ жизни не торопился. И тогда предприимчивая мать пошла на хитрость. Она переговорила с Сергеем, пожалуй, единственным товарищем Михаила, и, вооружившись природным шармом и обаянием, уговорила-таки подействовать на сына.

И началось.... Сергей стал появляться в их квартире с завидной регулярностью, через день, и насильно вытаскивал Мишу на различные вечеринки. Устоять перед его натиском у Миши не хватало все той же нерешительности. Хотя и эти

походы мало чего меняли. Попав на очередную шумную вечеринку, Михаил спешил отыскать книжный шкаф. Выбрав книгу, он садился где-нибудь в укромное местечко и погружался в выдуманный мир. Сергей не вмешивался, считая свою миссию выполненной. И неизвестно, сколько бы продолжались эти безрезультатные вылазки в общество, если однажды....

Да, его величество Случай имеет в жизни весомое значение, играя порой судьбоносную роль. Многое зависит от него. И именно случайность кардинально перевернула привычную жизнь Михаила. Он встретил Её.

Алевтина! Аля! Девушка из романтических романов. Девушка из юношеских грез. Большие карие глаза в оправе густых ресниц излучали теплоту и спокойствие. Маленькие, полноватые губки тревожили воображение. И настоящая русская коса, длинная и толстая. Словно сошла со страниц любимых книг русских классиков. Такая светлая, чистая, непорочная. И появилась так неожиданно, что Миша потерял не только дар речи, но и способность здраво мыслить и двигаться. Столбняк настиг его.

Их представили друг другу.

– Михаил.

– Аля.

Он пожал ее маленькую ладошку и долго не отпускал ее. Девушка видела его реакцию, и наслаждалась этим. В тот вечер были позабыты книги и романы. Он «вернулся в реаль-

ный мир», и в нем существовала теперь только она. Девушка с редким русским именем, и такой же редкой красоты глазами.

С вечеринки они ушли вместе. Ушли, что бы на протяжении двух лет постоянно искать встреч друг с другом, ощущая потребность в общении. Сколько километров они прошагали за это время по набережной, сколько фильмов и театральных постановок пересмотрели. А речные трамвайчики? А пикники за городом? Не счесть. Только одно обстоятельство смущало Михаила, нанося заметный слой дискомфорта: лучшая ее подруга. Алевтина часто, слишком часто, просила его, чтобы Нина тоже была на их встречах. Не понимала, или не хотела понимать, что присутствие третьего сводила на нет весь романтизм свиданий двух любящих сердец.

Нина была полной ее противоположностью. Не красивая, близорукая, полноватая, с россыпью крупный ярких веснушек, с редкими и жесткими волосами. А может, она и не была такой уж непривлекательной, но рядом с Алевтиной казалось именно так. Слишком очевидным был контраст. Несколько раз Михаил пытался откровенно поговорить с Алей о ее подруге.

– Миша. – Очаровательная улыбка заставляла умерить пыл серьезных намерений. – Ниночка такая застенчивая и нерешительная. Ну, куда я ее дену. Я обещала ее родителям, что не оставлю ее ни на одну минутку. Она слишком наивна и проста, обязательно попадет в какую-нибудь исто-

рию. А нам она совсем не мешает. Правда, ведь?

И в том было зерно правды. Нина имела талант быть незаметной, даже находясь в двух метрах. И он вскоре насколько привык к ней, что перестал замечать. Даже целуя Алю, шепча ей признания в любви, читая стихи, он не обращал на Нину никакого внимания, не смущался. В конце концов, до недавнего времени он и сам был таким же застенчивым и нерешительным.

Аля и Миша так упивались своим счастьем, так безоглядно любили друг друга, что для всех знакомых стали предметом зависти. У кого белой, а у кого и черной. Но они ничего не замечали вокруг, наслаждаясь друг другом. Не заметили и того, что Нина, вернее Ниночка, влюбилась в него. И эта тайная любовь приносила девушке только страдания и мучения. И катились их отношения к своему логическому завершению – к свадьбе. Да только логика иногда выкидывает кренделя, не поддающиеся здравому объяснению. Ссора вспыхнула из-за пустячка, но переросла в серьезные разногласия. Взаимные упреки, недомолвки, обиды разом выплеснулись наружу. Никто из них ранее и не подозревал, что они накапливаются где-то в глубинах души. И вот теперь вырвались на волю, обжигая и уничтожая. Много раз они пытались встретиться и обсудить сложившуюся ситуацию в спокойной обстановке, но каждый раз вновь ссорились, усугубляя и без того напряженность и раскол отношений. А потом Михаил совершенно случайно увидел Алю в компании

высоко, симпатичного парня, атлетического телосложения. Ревность в одно мгновение вспыхнуло, ослепило и помутило разум. А тут и Ниночка подвернулась со своим признанием в большой любви. После бурно проведенной ночи, с глаз спала пелена. Он с недоумением смотрел на Нину в своей кровати. Признаваться в своей слабости не хотелось, особенно перед этой «серой мышкой», поэтому он буркнул что-то обидное и грубое, и ушел, громко хлопнув дверью. И не придумал ничего лучшего, как сбежать. Было лето, каникулы в разгаре, и потому уехал он надолго и далеко. От всех проблем, от переплетения лабиринта. К тетке на Украину.

Вернулся уже осенью в город на Неве, с планами по решению кризиса в отношении с Алей, и правдоподобными извинениями перед Ниной. Но, как оказалось, все его приготовления были напрасны. Обе девушки, бросив институт, укатили в родной городок, где-то на Урале. Адреса точного Миша не знал. Конечно, при большом желании он мог отыскать. Отец работал в органах не последним человеком. Но не захотел. К тому же доктор Время уже затянул раны. Постепенно утихла боль, притуплялась любовь. Оставались лишь тоска и пустота, с которыми, к его безмерному удивлению, можно было жить. И он жил.

Жил до апреля. Когда однажды, вернувшись из института, он застал дома нервно курящего, одну за другой, отца и мать на грани сердечного приступа. А на диване – сверток с младенцем и прилагающая к нему записка: «Это твоя дочь. Ме-

ня не ищи. Бесполезно. Нина».

И мать, и Михаил были полностью солидарны в своем решении: отдать ребенка на попечение государства, написать заявление в милицию, чтобы отыскать горе-мамашу. Но неожиданно отец, этот пожизненный подкаблучник, проявил твердость и настойчивость. Для убедительности даже пару раз стукнул по столу и разбил пару чашек из очень дорогого китайского фарфора. «Сумел зачать – сумей и воспитать» – был его вердикт, не терпящий ни возражений, ни апелляций.

Вот так, в одночасье, Михаил стал отцом крошечной Аленки. Отец по своим каналам утряс все юридические и правовые вопросы. Они переехали в другой микрорайон Санкт-Петербурга и начали новую жизнь. Она у Михаила вновь резко переменилась. Он, как раньше, стал больше времени проводить дома. С дочкой. И вскоре сделал для себя откровенное открытие: это ему безумно нравилось, и приносила радость. Нравилось гулять с ней по парку, купать ее по вечерам, кормить кашей и соками, читать детские стишки на ночь. Или просто сидеть тихо рядом и наблюдать, как она спит, как меняется выражение ее личика. Как хмурит маленькие белесые бровки, как широко улыбается.

Дочь росла. Сам он окончил институт и занимался переводами. Родители вскоре умерли один за другим. Спутницу жизни себе он так и не нашел, по большому счету, даже не пытался. Жизнь сложилась и даже перспектива перемен

его пугала.

В школу Михаил пришел тогда, когда занятия закончились, и большая часть учащихся покинули стены учебного заведения. Местонахождение класса ему было хорошо известно, потому, как не первый раз Аленка давала повода для серьезных бесед и с классным руководителем, и с директором. Постучался и зашел в кабинет:

– Здравствуйте. Я – папа Алены Атамановой. Меня вызывали.

Учительница оторвалась от проверки тетрадей, подняла голову и сняла очки.

– Миша?!

– Аля! – он сразу же узнал ее. Хотя перед ним сейчас сидела полноватая женщина, с короткой стрижкой крашенных волос. Но вот глаза! Глаза нисколько не изменились: все те же глубина и выразительность. Только оправа ресниц чуточку поредела. Они молчали. Откровенно разглядывали друг друга и молчали. Было время, когда не могли наговориться. Молчали, хотя не виделись тринадцать лет. Тринадцать лет! Целая жизнь! Вечность!

– Как живешь? – он ослабил узел галстука. Стало вдруг не хватать воздуха. Внутренний жар наполнил каждую клеточку тела.

– Вот. – Она развела руками. Не меньше его растерянная и немножечко потерянная.

Из школы они вышли вместе и увидели, что, наконец-то, пришла долгожданная зима. Снег медленно падал большими пушистыми хлопьями и, кажется, не собирался таять. Они шли не спеша, наслаждаясь дивным снегопадом. Зашли в кафе. По-прежнему молчали, лишь глазами пожирая друг друга. Пробуждалось чувство утраченного счастья, и от этого становилось бесконечно грустно.

– Как ты?

– Нормально. – Такой родной и почти забытый жест – пожатие плечами. – Я замужем, двое детей. Пацаны. Одни мужики в доме. – Слабая улыбка едва касается полных губ. – А ты?

– Я один. – В горле мгновенно пересохло. Надежда, которая беспочвенно вдруг зародилась где-то в недрах души, похухла и угасла.

– А Алена? – чуть удивлено спросила она.

– Только я и она, – поправил он себя.

– Это дочь Нины?

И только сейчас он вдруг все понял! Алевтина все знает. И знала тогда! Может, и поэтому она сбежала на Урал, так и не окончив институт. Чего-чего, а вот измены она простить никогда не смогла бы. Характер не тот.

– Как она?

– Пьет.

– Пьет?

– Семейная жизнь у нее не сложилась. В одно время она

пыталась разыскать тебя и вашу дочь, но....

– Я переехал, – оправдался к чему-то Михаил.

– Теперь живет в гражданском браке, с каким-то уголовником. Вместе и спиваются.

Михаил предпочел промолчать. Возникло чувство вины за погубленную жизнь «серой мышки» Ниночки.

– Мне пора. Не надо, не провожай меня. – В двух предложениях она дала понять: в прошлое возврата нет. Как и само прошлое не имеет право врываться в настоящее, перекраивать его.

Он долго не мог уснуть. Лежал, смотрел, как по стене пробегают свет от проезжающих за окнами машин. Вновь заново пережил весь период взаимной любви с Алевтиной. Каждый день, каждое свидание, каждый миг. И только одно он никак не мог вспомнить: из-за чего тогда они поссорились. Напрасно напрягал память, чтобы выудить причину, вследствие чего сломалось столько судеб.

Ах, если бы.... Если бы....

Да только жизнь не терпит сослагательного наклонения.

2007

Женитьба мачо

Артем, наконец-то, закончил смотреться в зеркало, доводя до совершенства свою кучерявую прическу. Полюбовался на себя в разных ракурсах, и обратился к другу, с кем снимал эту квартиру:

– Оторвись от виртуальности, Леха. И скажи, как я сегодня выгляжу?

– Как перчик в лечо. – Ответил друг, не отрываясь от монитора.

– Ну, Леха, – протянул жалобно Артем, заставляя друга таки обратить на себя внимание. Тот, нехотя, оторвался от компьютера и критически оглядел Тему с ног до головы. Артем, как всегда, был безупречен. Словно только что сошел с обложки модного журнала, где занял первое место во всех мысленных и не мысленных конкурсах. Мечта девчонок. Достаточно высокого роста, стройного телосложения, блондин с голубыми глазами. Всегда модно и со вкусом одет, благоухающий дорогими парфюмом. Да к тому же он начитанный, образованный, галантный и с тонким чувством юмора. Ну, кому не может понравиться такой экземпляр? Никому! Если только глухому, слепому и страдающему отсутствием умственных способностей.

– Мачо! – не без доли восторга резюмировал Леха. – Сегодня вновь, впрочем, как и всегда, все женское население

нашего микрорайона упадет к твоим ногам. Кстати, ботинки следует почистить. И каждая из них будет яростно умолять тебя уделить ей капельку, крохотную такую капельку, внимания. Хотя бы один взгляд, хотя бы единственную улыбочку. – Скатился в спиче на иронию.

– Ну, это ты перегнул. – Нахмурил брови Артем, хотя в душе зазвенели иерихонские трубы самовлюбленности и гордости. – Спасибо за комплимент. Так, я пошел?

– Предупреди заранее, что ты придешь не один.

– Хорошо. Думаю, что приду не один.

Что случилось довольно-то редко. Тема не знал отказа в женском внимании и покорности своим желаниям. Леха удивлялся, что Артем каждый раз приводил новенькую. Так неужели, еще остались девушки в микрорайоне, которым бы друг не оказывал знаки внимания, доводя дело до логического финала – до кровати? Хотя, девчонки растут, становятся совершеннолетними, а Тема, словно и не взрослеет. И опять Лехе, после предупредительного звонка, приходилось закрываться в одной из комнат, и сидеть там тихо-тихо. Слышать, как Артем скажет девочке, указывая на дверь:

– А это комната не жилая. Ремонт никак не закончу.

А потом шум открывающего шампанского, поцелуи, инструментальная музыка из магнитофона, и легкое поскрипывание старенького диванчика. Все, как всегда, по одному сценарию.

Но Леха даже, ни на одно мгновение не позавидовал ему.

Вновь повернулся к компьютеру и погрузился в волшебный мир интернета.

Аналогичные восторженные комплименты в свой адрес в этот вечер выслушивала и Надежда. Хотя, глядя в зеркало, как и любая представительница слабого пола, все равно находила в себе, пусть даже незначительные, изъяны.

– Ты сильно изменилась? Сколько времени мы не виделись? – принялась за подсчет ее подруга детства.

– Полтора года я не была дома. – С грустью в голосе ответила Надя. – Эта учеба в столице совсем вымучила меня. Спасибо родителям. Как будто поблизости нет такого же университета.

– За то, глянь, как Москва изменила тебя. Конфетка, одним словом. – Не унималась Татьяна.

– Просто я повзрослела. Ну, – Надя немного смутилась. – Посещаю иногда салон красоты. Фитнесом занимаюсь. Солярий, маски, маникюр, педикюр, и прочее, прочее.

– А учишься когда? – не сдержалась, съехидничала, Таня.

– Между, между. – Надя не заметила ехидства, засмеялась. – Ну, что, идем на дискотеку?

– Будешь производить фурор.

И она не ошиблась в прогнозах. Молодежь, которая тусовалась в этот вечер в дискотеке «Вишневый сад», расходясь далеко за полночь, только и говорили о новой звезде танцпола, наградив этим титулом Надежду. На то были объективные причины. У Нади, что соблюдала в точности афоризм

классика, все было прекрасно: и лицо, и одежда, и поступки. Громко стуча каблучками по тротуару, подружки возвращались домой. Татьяна иногда бросала в сторону подруги короткие взгляды, наполненные восхищением и завистью.

– Чему так загадочно улыбаешься, Мона Лиза? – наконец-то, поинтересовалась она.

– Да так, – пожалала плечиками Надя. – Вот стараюсь вспомнить, сколько парней подходило, сколько попытались познакомиться со мной.

– Можешь не считать, я тебе отвечу: все. Все парни поочередно подходили к тебе и терпели полное фиаско. Неужели никто из провинциалов так и не смог заинтересовать тебя?

– Что это? – Надя даже немного обиделась на подругу, почувствовав в ее словах намек на свою гордость и высокомерие. – Был среди них один. Весьма симпатичный экземпляр.

– А хочешь, я угадаю с первой попытки.

– Попробуй.

– Его зовут Артемом. Иногда он представляется просто Темой. Так?

– Откуда?

– Да нет тут ничего удивительного и сверхъестественного. Артем – наш местный ловелас, Казанова, мачо, и так далее, и тому подобное. Все местные девочки прошли через его кровать.

– Неужели? – Надя, неожиданно, прежде всего, для самой себя, почувствовала досаду.

– Не знаю, чем он этих дурочек берет. Но каждый раз, видимо, находит новый, особый подход. А главное: никто не в обиде, что после бурно проведенной ночи, отношениям приходит конец. Знаешь, как в американском кино: встретились, тут же переспали, утром разбежались. Ни каких обязательств, ни каких совместных планов. Ничего! Лишь голое удовлетворение природных инстинктов. А разве в столице такого нет?

– Повсеместно, – ответила отрешенно Надя, и добавила после небольшой паузы, – но я – девочка с периферии. Я воспитана на романах русских классиков. А потому, и мечтаю о большой и чистой любви

– Эх, ты, тургеневская барышня! Забудь. Это время ушло. – И тяжело вздохнула. – Безвозвратно ушло.

Леха иногда отрывался от компьютера, возвращался в реальный мир. В такие часы он любил возиться на кухне, готовя кулинарные шедевры. Обычно, они обходились бутербродами и фабричными полуфабрикатами. Но в такие дни!! Сегодня в меню были: суп харчо, спагетти по-милански, тушенная рыба, оливье, салат из крабовых палочек, канапе и ленивые пироги. Одним словом: пир на весь мир. Мир, правда, состоял из двух людей: самого Лехи, и его лучшего друга Артема. Но тот страдал отсутствием аппетита. Вместо вилки, в руке он держал сигарету, и наблюдал, как она догорает. На лице застыла маска крепкой задумчивости.

– Ты сегодня сам не свой, – заметил Леха, орудуя вилкой,

пополняя в организме запас жиров, белков и углеводов.

– Это удивительная девушка.

– А! – понятливо кивнул головой Леха. – Значит, твой первый способ обольщения потерпел полное поражение?

Артем промолчал. Что было совсем уж на него не похоже.

– Ничего. – Леха, наоборот, чувствовал потребность в общении. – Сколько их уже было у тебя? Сто? Сто пятьдесят? На разный вкус и цвет. Не расстраивайся. Все еще впереди.

Артем с силой затушил сигарету в пепельнице, и глянул укоризненно на друга.

– Ты ничего не понимаешь. Она – удивительная девушка! Единственная! На нее не подействует ни один из донжуанских способов.

Слова друга заставили Леху внимательно посмотреть тому в глаза, и заметить-таки в нем большие перемены. Что не могло не удивить его.

– Да ты никак влюбился, братишка?

Артем и сам боялся признаться себе в этом. Чувствовал, но боялся. А Леха взял, и вот так просто, произнес это вслух. И Тема понял, что это все-таки случилось! Это произошло! Расстроился, растерялся. Вскочил из-за стола, едва не опрокинув вазочку с фруктами. Рванул на балкон, где с жадностью закурил. Оглядел панораму города, словно в весенних пейзажах он мог найти спасения от нахлынувшего чувства.

Иные чувства испытывала Татьяна. И хотя она старалась держать себя в руках при разговоре с подругой, это получа-

лось у нее с большим трудом.

– Чего ты из себя возомнила?

– Тургеневская барышня. Ты же сама мне говорила. – На-
дю не раздражал тон подруги. Наоборот, даже немного весе-
лил и заводил.

– Давай будем откровенны друг с другом? Мы, в конце
концов, уже давно не сопливые тинэйджеры.

– Давай, – с легкостью согласилась Надя, – лично мне
от тебя скрывать абсолютно нечего.

– Абсолютно?

– Абсолютно.

– Вот и хорошо. – Таня перестала хаотично ходить по ком-
нате и плюхнулась в кресло. Теперь подружек разделял толь-
ко небольшой журнальный столик. – Ты бы хотела переспать
с Артемом?

Надя, хоть и ожидала от подруги что-то подобное,
но не столь прямолинейного и конкретного вопроса. Потому
и растерялась на некоторое время, слегка покраснела и за-
мялась. Татьяна же, словно следователь на допросе, ждала
от подруги точно сформулированного ответа на заданный
вопрос, и не спускала с нее глаз. И чтобы не разочаровать ее,
Надя ответила коротко, но объемно:

– Да.

– Так в чем тогда дело? – возмутилась Таня. – Чего ты
ломаешься, словно монашка? Ты на Артема посмотри. Он
к тебе и так, и эдак. Совсем измучился наш мачо. Сам на себя

не похож.

– Ой, ли?

– Ты просто раньше его не видела. Жалко даже парня. И чего ты добиваешься?

– Замужества.

– Чего? – правда, оказалось, что от удивления глаза увеличиваются. Надя стала тому свидетелем.

– Замужества. – Более уверенно повторила она, чувствуя, как желание окончательно сформировалась.

Лишь через некоторое время подруга вновь обрела дар речи, сглотнула ком в горле.

– Никогда. – Громко, по слогам, произнесла она, чем удивила Надежду.

– Что так? – с трудом сдерживая эмоции, поинтересовалась она.

– Артем никогда не жениться. Слышишь, никогда. Это его принцип. Кредо. Девиз. Стилль жизни. Называй, как хочешь. Но он – вечный холостяк и лишь любовник. Так что не тешь себя пустыми надеждами и несбыточными мечтами.

– Как знать, – улыбнулась Надя. – Как знать.

– Даже если он и пойдет на это, изменяя сам себе, то только ради того, чтобы оказаться в твоей постели. Не годиться он на роль мужа. Все равно смотреть будет налево, и ходить туда же. Полигамия у него заложена на генетическом уровне. А тебе это надо?

– А я буду хорошей женой. Это от плохих жен мужики

гуляют.

Таня откинулась на спинку кресла, и даже как-то успокоилась.

– Это еще вилами на воде написано. Ты сначала заставь его участвовать в шоу под вальс Мендельсона.

– Поспорим? – Надя почувствовала дыхание азарта.

– Давай. – Легко поддалась Татьяна.

– Через неделю он мне сделает предложение руки и сердца.

– Неделя?

– Да.

– По рукам! – согласилась подруга.

Тусовка потихоньку стихала, неминуемо приближаясь к своему концу. Молодежь парочками покидали «Вишневый сад». Артем сидел за барной стойкой, крутил в руке бокал, на дне которого плескалось вино, допить которое он так и не удосужился. Настроение было совсем не праздничное. Он не отводил взгляда с танцпола, на котором еще резвились несколько человек, и буквально пожирал глазами Надежду. Эта девчонка не переставала каждый день удивлять его. С каждым новым днем он ощущал, как внезапно нахлынувшее чувство ежеминутно крепнет и растет, перерастая во что-то серьезное, большое, и пока до конца неосознанное. И чувство это сводило с ума, высасывало все душевные силы, заставляло идти на такие поступки, над которыми еще вчера он лишь посмеивался. Он утратил настроение, поте-

рял способность просто радоваться жизни. Нет, так больше не могло продолжаться. Следовало остановить этот процесс, пока он не привел к непоправимым последствиям. Артем одним глотком допил вино, вздохнул и присоединился к танцующей молодежи. Постарался как можно ближе оказаться рядом с Надеждой.

– Нам надо серьезно поговорить.

– Хорошо. – Легко пошла на контакт девушка, замечая, что Артем, наконец-то, сбросил с себя маску донжуана. Самоуверенность и высокомерие испарились бесследно.

– Может, пойдем ко мне?! – несмело предложил Артем. – Нам там никто не помешает.

Надя перестала танцевать и внимательно посмотрела на него.

– Лучше ко мне. – Сказала она, и, не дожидаясь согласия, подхватила его за локоть и повела к выходу. Тусовка проводила их одобрителем гулом.

Как они дошли до ее дома, Артем и не помнил. Окружающий мир с его запахами, цветом, населением, перестал существовать в одночасье. Осталось лишь чувство счастья от того, что Надя идет рядом. И лишь, когда она открыла дверь квартиры, он «вернулся на грешную землю».

– Проходи.

В прихожей, едва сняв с себя куртку, Артем попытался обнять девушку, но она ловко ускользнула от его настырных рук и прошла в комнату. Тема поспешил за ней, но, едва пе-

реступив порог, остановился. В комнате находились, как он тут же сообразил, ее родители. И Надя подтвердила его догадку:

– Познакомьтесь. Это Артем, а это мои родители.

– Очень приятно, – промямлил Тема.

Повисло минутное замешательство, которое нарушила мать Нади:

– Ой, что это мы? У нас же гости. Пойдем, Надежда, на стол соберем. – И она увела дочь на кухню.

– А мы, пожалуй, покурим. – Отец девушки жестом пригласил Тему пройти на балкон, где они и закурили. В полном молчании смотрели на картины ночного города. Мужчина, словно понимал состояние парня, и давал ему время прийти в себя. А может, и самому это время было крайне необходимо по той же причине.

– Вот и повзрослела моя девочка, – нарушил молчание мужчина. – Влюбилась, надолго и всерьез. – В голосе слышались отчетливые нотки грусти. – Уговор у нас с ней был: не знакомить нас со своими мимолетными увлечениями.

Артем предпочел промолчать, ибо и не знал, что ответить. Он еще ни разу не попадал в столь щекотливое положение. Он и сам никогда не приводил девчонок в родительскую квартиру. Но в последнее время слишком много из его принципов развалились, обращаясь в прах. И утрата еще одного – уже не расстраивало.

На балкон вышла Надя:

– Пап, тебя там мама просит помочь. – И, оставшись наедине с Темой, она сказала. – Вот теперь можно и поговорить.

Взгляды были намного красноречивей потока слов, и все же Артем усилил молчаливое признание:

– Я еще никогда, и никому не говорил этих слов. – Он акцентировал каждое слово, подчеркивая их значимость и весомость. – А теперь чувствую, что время пришло.

– И что за слова такие?

– Я люблю тебя. – Второй раз за вечер он попытался обнять ее, и на этот раз Надя не сопротивлялась. Стало как-то сразу легко и спокойно на душе.

– Выходи за меня замуж. – Он смотрел ей в глаза.

– Это официальное предложение?

– Да. – Он вдруг понял, что эта девочка отличается от всех предыдущих, и только серьезностью намерений можно завоевать ее. Да и он сам чувствовал, что не хочет больше вести прежний образ жизни. Что нашел ту единственную, с кем хочет прожить долго и счастливо. – Так ты согласна?

Надежда только вздохнула, Артем по-своему расценил это и поспешил развеять все ее сомнения и метания:

– Поверь мне, что мачо во мне умер. В тот самый миг, когда я увидел тебя. Остался лишь тихий романтик, питающий нескончаемую любовь к самой прекрасной девушке на свете. Клянусь, что никогда ни словом, ни делом я не обижу тебя, не дам ни единого повода для разочарования. Так ты соглас-

на?

– Да. – Шепотом выдохнула Надя.

Артем разбудил Леху. Друг с большим трудом продрал глаза, недовольно ворча под нос:

– Тема, ты сошел с ума. Три часа ночи, я только что уснул.

– Леха! – в голос закричал Артем. – Я женюсь!

Сон как рукой сняло. Леха с удивлением смотрел на счастливого и сверкающего, словно новая монетка, друга. А тот эмоционально бегал по комнате, жестикулировал. Восхищался своей избранницей. Его возбужденное настроение висело в воздухе.

– Да, хотел бы я посмотреть на это чудо природы.

– О чем ты? – не понял Тема.

– На девушку, которая так сильно изменила тебя.

– Я изменился?! И в какую сторону?

– В лучшую, – засмеялся окончательно проснувшийся Леха. – Уверен, что в лучшую.

2007

Сеть

– Ладно, Санька, не расстраивайся. Я кое-что придумал на счет жилья, – и Паша, довольный и гордый самим собой, поведал Александре свой вариант.

Возмущению двадцатипятилетней девушке не было предела:

– Ты предлагаешь мне, чтобы я снимала комнату у вдовца? Плохо же ты обо мне думаешь! – от обиды глазки ее повлажнели, и она поспешила отвернуться от друга детства, чтобы то не заметил это. И он не заметил потому, как полностью был поглощен своей идеей:

– Зато сколько плюсов: не дорого, от работы в двух шагах. И потом: ты не думай о плохом. Ванька – кристально-чистой души человечиче. – Только сейчас до него дошел подтекст возмущения подруги, и он усмехнулся. – Да не беспокойся ты за девичью честь свою. Ни один волосок не упадет с твоей прелестной головки.

Саша, не привыкшая к столь прямолинейным разговорам на щекотливые темы, вмиг вспыхнула ярким румянцем.

– Ты все сейчас поймешь. Почувствуешь даже по его голосу, какой он правильный и положительный персонаж. – Паша пододвинул к себе телефон, набрал номер и включил громкую связь. – Привет, Вань.

– Привет.

– У меня к тебе огромная, я бы сказал мирового масштаба, просьба. Альтруист ты наш.

– Не льсти.

– Тут ко мне из глубокой провинции землячка нагрянула. И работу уже нашла, а вот с жильем – засада. А у меня – всего одна комнатка и тяжелый график работы. Ты сам все прекрасно знаешь.

– Ночные интервью на горячей простыне?

– Вот видишь, какой ты молодец, все-то ты знаешь и понимаешь. А еще, как мне помнится, ты собирался комнату сдавать.

– Да.

– Вот и хорошо. Главное: человек не с улицы. Проверенный, честный и чистоплотный. Ну как, договорились?

– Договорились.

– Когда можно подъехать? Ах, да, ты же у нас домосед. Все время дома. Так мы едем? Пока, до встречи.

– Пока. – На том конце провода повесили трубку.

– Ну, вот – Вновь с большой толикой гордости произнес Паша. – Вопрос с твоим проживанием решен оперативно и положительно.

– Но все так-то. Вдовец! – Саша развела руками.

– Я голову свою буйную и непутевую на отсечение даю. Иван – порядочный человек, от кончиков волос до педикюра. Ничего не бойся. Ты же все слышала сама.

– А что я слышала? – Саша подняла свои глубокие, насы-

ценно-коричневого цвета глазки на земляка. – Не очень-то и многословен твой друг.

– Это еще один плюс, – тут же отпарировал Павел.

– И потом, ты ему даже не сказал, что я – девушка.

– Разве? – искренне удивился друг детства.

– Ой, ли.

– Ну, да, извини. Схитрил малость. Но что с меня взять?

Я же журналюга.

Он вырвал из блокнота лист и написал адрес.

– Вот тебе адрес. Можешь ехать, я сейчас такси вызову.

– Ты не проводишь меня? – Саша начинала понимать, что Паша старается как можно быстрее выпроводить ее. Да и сам друг это тут же подтвердил словами:

– Понимаешь, ко мне сегодня, с минуту на минуту, должны прийти. Очень важный клиент. Возможно, от этого будет зависеть моя судьба, карьера, и, как следствие, материальное обеспечение.

Саша встала, и начала торопливо собирать свои вещи.

– Ну, не обижайся, дружок. – Паша попытался было смягчить ситуацию, но это ему не удалось, и он замолчал.

Александре рисовался Иван мужчиной лет сорока, обрюзгший, благоухающий перегаром и с трехдневной щетиной. Но, на этот раз, предчувствие обмануло девушку. Дверь открыл тридцатилетний мужчина, приятный во всех отношениях наружности. Даже накопившаяся усталость, которая читалась без всяких напруг, в его серых глазах, была к лицу.

Вот только заметная хромота портила общую картину привлекательности.

– Ты к кому? – поинтересовался он, когда они перестали изучать друг друга глазами.

– Я от Павла. На счет комнаты.

– Да? – изумился Иван, и кашлянул. Явно, такого оборота событий он не ожидал. – Проходите.

Саша вдруг поймала себя на ощущении, что все сомнения и страхи улетучились в одно мгновение, едва она переступила порог квартиры.

– Я покажу тебе комнату, – пробормотал все еще находившийся в легком замешательстве Иван, пока Саша не переобувалась в тапочки.

Квартира оказалась большой, даже огромной. Обстановка говорила о финансовом благополучии хозяина. Новая, добротная мебель, оргтехника. На стенах коридора, по которому они шли вглубь квартиры, висели репродукции картин художников эпохи Возрождения. Двери в комнаты были украшены витражами.

– Это ванная. Туалет. Детская. Библиотека. Кстати, можешь ей свободно пользоваться. Пять тысяч томов на любой вкус в твоём распоряжении. – По ходу говорил хозяин, пока не подошли к двери с витражом «Осень в лесу». – А это твоя комната.

Саша вошла и замерла в тихом восторге. Комната ее детской мечты, которая не могла осуществиться. Особен-

но в малогабаритной двухкомнатной квартире ее родителей. Большая кровать, под стать ей огромное мягкое кресло. Письменный стол, шифоньер, телевизор и DVD – проигрыватель.

– Располагайся. Белье я застелил свежее. Утюг в шифоньере, диски в библиотеке.

Саша громко уронила чемодан.

– Да, кухню-то мы и пропустили. – Иван вышел в коридор, словно приглашал Сашу последовать за ним, и ей пришлось подчиниться.

Кухня полностью гармонировала с остальными комнатами. Как в рекламе. Саша даже зажмурилась на мгновение. Мечта любой женщины, любой хозяйки. Все, что так необходимо для комфорта и удобства, было здесь. Холодильник, морозильная камера, стиральная и посудомоечная машинки, телевизор, газовая плита. СВЧ – печь. Не говоря уж про «мелочи», от тостеров до кофеварок. Да, кухня должна быть большой, потому, как тут собирается вся семья в сборе и проводит большое количество времени. Овальный стол с шестью стульчиками красноречиво доказывал это. Все было просто на высшем уровне. И лишь опытный, дотошный и чуточку нагловатый, взгляд мог-таки определить отсутствие женских рук.

– Кстати, у нас сегодня праздничный ужин, и мы тебя приглашаем.

– Да неудобно так-то. – Саша попыталась отказаться,

но Иван и слушать не стал:

– Ты, наверное, устала в поисках жилья. Время уже позднее, чтобы самой заниматься приготовлением ужина. Так что, никаких возражений не принимается.

Их взгляды встретились.

– Хорошо. Спасибо. Можно мне принять ванну.

– Конечно. – Ивана отвлекла кастрюля на плите. Что-то там закипело, забурлило, распространяя аппетитные запахи. Он бросился спасать положение, и, казалось, совсем забыл о ней. Саше самой пришлось отыскать ванную комнату, хотя хозяин ей и показывал.

После принятия освежающего душа, Саша разложила свои вещи, и сушила волосы феном. Выключив его, она услышала в коридоре приглушенные голоса и топот детских ножек. Через мгновение раздался стук в дверь.

– Войдите. – Саша, ожидавшая приход Ивана, одернула халатик на коленках. И второй раз за вечер интуиция ее подвела. В комнату вошла десятилетняя девочка. Ну, просто прелесть, а не ребенок. Кучерявые волосы веером лежали на ее плечах. В больших голубых глазах плескалось солнце.

– Здравствуйте.

– Привет, – необъяснимая радость хлынула в душу, заполняя каждый уголок.

– Меня зовут Евдокия. Глупое, конечно, имя. Но в том не моя вина. Родители учудили. – С грустинкой в голосе представилась девочка.

– А меня зовут Саша, – девушка широко улыбнулась. – А мне нравится твое имя. Дуня, Дуняша. Очень красивое, русское имя.

Девочка улыбнулась в ответ, демонстрируя изумительные ямочки на щеках.

– Спасибо. Вы не первая, кто так успокаивает меня. Но у вас это получилось искренне, и вам я верю. – Дуня была, пожалуй, слишком развита для своего возраста. – У нас сегодня праздник. И папа приглашает вас присоединиться к нам.

– А какой праздник?

Дуняша пожала плечами:

– Я не очень-то и поняла. Папа сегодня, наконец-то, погасил какой-то кредит. Теперь у него появиться больше времени на воспитание. – В ее словах была заключена вся правда семейного благополучия, для достижения которого Ивану приходилось брать кредиты и много работать. А девочке, тем временем, его не хватало. Вон, как засверкали глазки, когда она об этом говорила.

Переступив порог кухни, Саша пережила еще одно потрясение: за обеденным столом она увидела двойняшек. Девочки пяти-шести лет похожи друг на друга, как две капельки воды. Кучерявые, синеглазые, пухленькие.

– Здравсти, – хором сказали они.

– Привет, – растеряно ответила Саша.

– Это Катька и Лизка. – Представила их Дуня.

– Дуня, – раздался голос Ивана.

– Катя и Лиза, – исправилась Дуня, и бросилась помогать отцу в сервировке стола. А стол, и, правда, был праздничный. Два салата, из свежих помидор и «Мимоза», сыр, колбаса двух сортов, настоящие домашние пельмени. В центре стола возвышалась вазочка с фруктами.

– Как ты на счет бокала вина? – поинтересовался у Саши Иван. Та лишь неопределенно пожала плечами. Она все еще находилась под впечатлением от увиденного. Молчание ее Иван принял за знак согласия, и на столе появилась бутылка «Массандры». Ужин протекал в спокойной умиротворенной обстановке. Говорили, в основном, дети, а Иван, что Сашу поразило, имел талант слушать, лишь иногда давал ненавязчивые и очень дельные советы. В общем, он жил жизнью и проблемами девочек. Дуняша активно принимала участие в воспитании сестричек, поправляла неправильно сказанные слова и ударения. А после ужина она помогла отцу убрать со стола. Теперь Саша понимала, откуда в девочке столько серьезности и не детской рассудительности. Пока посудомоечная машина делала свое дело, Иван сварил кофе по-турецки. Разлил по фарфоровым чашечкам, и только сейчас заметил, что Саша «находится не в своей тарелке».

– Ты не беспокойся. Дети у меня смирные, мешать тебе не будут. Я надеюсь на это. – Добавил он не очень-то уверенно.

– Как ты справляешься с ними?

– Да ничего вроде. Жена умерла, рожая двойняшек. Пацана мы хотели, а получилось то, что получилось. Так что, с ними я с самих пеленок, и за отца, и за мать. Да, и Евдокия у меня умничка. – Он не смог подавить тяжелый вздох. – Только все чаще я ловлю себя на мысли, что краду у нее детство. Ты не куришь?

– Нет.

– А я пойду, покурю. – Он вышел на балкон. Немного посидев в одиночестве, Саша вновь наполнила чашки ароматным кофе и последовала за Иваном. Балкон был большим, широким. Плетенные столик, два стульчика и огромное количество цветов в горшках. Эдакий маленький и уютный зеленый уголок. Одну из чашек она протянула Ивану.

– Спасибо.

Саша присела на соседний стульчик. Вид с балкона открывался потрясающий: перед глазами лежали городские джунгли, а там, у самого горизонта, заходило солнце, и окрашивало город в какой-то фантастический цвет.

– Не кори себя. Мне кажется, что девочки, когда вырастут, будут безмерно благодарны тебе.

– Ты так думаешь? – в его голосе слышалась искренняя надежда! Да, по сути, он и сам был еще большим ребенком!

– Жениться не пробовал?

Ваня лишь усмехнулся:

– Куда там? – и махнул рукой. – Сам я инвалид. Пенсия смехотворная. Трое детей. – Помолчал, потом стал рассуж-

дать: – Если и жениться, то только на вдове, или разведенной. А значит, с ребенком. А это уже, по минимуму, четверо детей. Не реально поднимать такую ораву. Ведь хочется не просто их вырастить. Желательно дать хорошее образование, обеспечить материально на первое время.

– И на что вы живете?

– Я экономист. И не плохой экономист. Веду бухгалтерские дела у нескольких бизнесменов, отчеты квартальные и годовые стряпаю. Да и студенты не оставляют без заработка. Пишу им рефераты и дипломные работы. Между прочим, на любую тематику. – Он усмехнулся.

– Так ты специалист широкого профиля? – она улыбнулась в ответ.

– Специалист по лексическому изменению оригинальных текстов. Переставляешь слова, перефразируешь мысли, синонимы, антонимы. Сейчас это называется, кажется, рерайтингом. Да и сам пишу рекламные статейки для небольших газет. Тем и живем, не жалуемся.

Саша ничего не ответила. Хотя со слов Ивана и получается все так радужно, но она-то видит, с каким трудом ему это все дается. Усталость просто бросалось в глаза.

В этом она убедилась в первую же ночь, когда пошла в туалет. Дверь в библиотеку была приоткрыта, и Саша осторожно заглянула. Иван сидел за столом, который был завален бумагами и книгами, и работал на компьютере. Рядом стоял термос с ароматным свежим кофе. А было три часа ночи.

А утром был готов завтрак. Не просто чай с бутербродами, а полноценный калорийный завтрак: каша с цукатами, булочки, испеченные в духовке, и какао. Девочки дружно позавтракали и ушли, Дуняша в школу, по пути отведя двойняшек в детский сад. А Ване предстояла уборка в огромной квартире, приготовление обеда и прочая мелочевка. В таком темпе не всякий здоровый мужик справиться, чего уж говорить об инвалиде.

В воскресный день Александра решила немного понежиться в кровати. Отоспаться и отдохнуть. Но ее разбудили возбужденные детские голоса и приглушенный гневный шепот Ивана:

– Тихо вы, чертенята. Не будьте дикарями.

Но расшалившихся двойняшек было очень трудно утихомирить. Саша улыбнулась. Сердиться на чудо ребятишек было просто невозможно. Она накинула халат и вышла из комнаты. Застало все семейство за хлопотливыми сборами.

– А вы куда? Да так рано?

Двойняшки сразу же бросились к ней и повисли на руках.

– Тетя Саша, пошлите с нами.

– Мы гулять идем.

– В парк, на карусели.

– И в «Макдональдс». – Перебивая, и дополняя друг друга, в одну секунду выложили всю культурную программу выходного дня.

– Мы всегда по воскресеньям ходим гулять. – Дуня по-

взрослому нахмурила бровки. – Ну, давайте быстрее, мелочь зеленая.

Как можно не улыбнуться, глядя на столь милую картину. Она посмотрела на Ивана, которому было не столь весело и радужно. Мысль, еще до конца не созревшая, уже соскочила с языка:

– А я согласна. Пойду с вами, погуляю. А вот папа пусть отдохнет.

Девчонки встретили ее предложение с восторгом. И Иван посмотрел с благодарностью.

Поход удался на славу. Гуляли они почти целый день, благо погода не подкачала. Вернулись домой уставшими от больших впечатлений, которые переполняли их. Они делились ими, при этом без всяких уговоров смели приготовить ужин, и разбрелись по комнатам. Тетя Саша дала им задание на лучший рисунок «Как я провела выходной». Оставшись наедине, Иван и Саша пили чай.

– Устала?

– Это приятная усталость. Дети у тебя просто прелесть. Культурные, послушные, не избалованные. Сегодня я так много нового узнала, – она мило улыбнулась, – словно окунулась в детство. Неповторимое, надо сказать, чувство. Спасибо.

– За что? Это тебе спасибо. Кажется, я сегодня, наконец-то, хорошенько выспался.

– Я рада.

С работы она возвращалась поздним вечером – была корпоративная вечеринка. Ничего удивительного не было в том, что в квартире висела тишина. Девочки, этот источник шума и жизни, давно смотрели чудные сны. Лишь на кухне горел приглушенный свет. Иван занимался ремонтом детской одежды, в частности куртки Дуняши.

– Привет.

– Привет. Ужинать будешь?

Саша вдруг осознала, что все ждали ее к ужину, и, наверняка, беспокоились.

– Извини, мне следовало позвонить.

– Ну, что ты! В твои-то годы становиться домоседкой – просто кошунство. – И он вновь склонился над курткой. Хотя и правильные были произнесены слова, да вот только горечь почему-то осталась. Минуту она наблюдала за тем, как он, не умеючи, пытался пришить выдранный «с мясом» карман. Потом присела рядом и взяла куртку:

– А вот от чашки горячего чая я бы не отказалась.

– Я совсем не могу чинить вещи, – оправдываясь, обрадовался Иван.

– Хоть чего ты не можешь, – пошутила Саша. – А то уж совсем какой-то идеальный получаешься.

– Ну, – протянул Иван. – До идеала мне еще далеко. Целой жизни не хватит. – И он принялся колдовать над чайником.

А еще через пару дней Саше пришлось принять более весомое участие в жизни семейства. Она оторвалась от чте-

ния любимой книжки и прислушалась. В библиотеке происходил разговор на повышенных тонах. Говорил, в основном, Ваня, а Дуняша пыталась как-то слабо оправдаться. Саша, по зову сердца, поспешила на помощь девочке. А помощь ей, и впрямь, была необходима. Она еле сдерживалась, чтобы не расплакаться.

– Что у вас случилось? – Саша присела в кресло и обняла девочку.

– Вот! – развел руками Иван. – Никак не могу объяснить ей, как решаются подобные задачки. Все методы уже использовал, а толку – ноль.

– Пойдем, Дуняша. – Саша взяла учебник по математике, и увела девочку к себе в комнату. И там, в спокойной обстановке, проявляя ангельское терпение, все-таки объяснила все тонкости решения задач.

А однажды в субботний день Александра, проснувшись очень рано, решила всех удивить своим кулинарным искусством. И оккупировала кухню, где и застал ее Иван:

– Ого! Привет!

– Доброе утро. Вот решила продемонстрировать свои скромные способности, и заодно разнообразить ваше меню. Мне, конечно, далеко до такого мастера, как ты. – В ее глазах цвета коньяка плясали озорные огоньки. – Но кое-чему меня бабушка все же научила.

– Ой, ли, – поддержал игру Иван, – а кофе сварить слабо? Пока я кофе не выпью, я – не человек.

– Кофе вари сам. У тебя очень хороший получается.

– Понятно. – Иван достал из буфета зерна. – Кстати, хотел поинтересоваться: как ты научила Дуню решать задачки. Она их сейчас словно орехи щелкает. Да с таким удовольствием, да помимо заданного материала!

– О, нет. Это моя маленькая тайна.

– А может, откроешь мне ее. За маленькую чашечку хорошего, ароматного, такого бодрящего кофе? – предложил Иван, и добавил уже серьезно. – Мне ведь еще и младшеньких придется обучить.

– Я их сама обучу в свое время. – Саша поймала себя на мысли, что сказанное прозвучало спокойно и как-то буднично. Словно, где-то в глубинах души это было давным-давно решено, как должное. Она бросила взгляд на Ивана, но тот не заметил, не вник в смысл сказанных слов.

Вечером Саша с девочками решили обновить гардероб куклам. Закрылась в детской комнате, превратив ее в ателье. Повсюду были разбросаны нитки, лоскутки материй, выкройки. Занятие так заинтересовала девочек, что были забыты и компьютерные игры и диски с любимыми мультфильмами. Вскоре они уже сами выдумывали новые фасоны и выбирали цветовые гаммы. Да и сама Александра включилась в процесс с не меньшим азартом. Лишь на секунду она покинула их, чтобы утолить жажду. И застала Ивана за глажкой белья. Он не заметил ее прихода, что позволило девушке некоторое время просто понаблюдать за ним. Ему было

нелегко долгое время быть на ногах, и потому белье он гладил сидя, что было, не очень удобно, особо при глажке постельного белья.

– Давай я, – она подошла к нему.

– Нет. Нет, – запротестовал Ваня, но она буквально вырвала из его рук утюг.

– У тебя, кажется, еще отчет не доделанный. Опять будешь всю ночь сидеть за компьютером и глотать кофе. Иди, иди, работай. – Не принимающим никаких возражений, тоном приказала Саша, и Ивану пришлось ей подчиниться.

С некоторых пор готовить ужин вдвоем стало для них доброй традицией. Процесс протекал в дружеской и веселой атмосфере. Иван много знал историй и забавных случаев, а главное: умел их подавать. Саша теперь понимала, за что в свое время его полюбила покойная жена, не побоявшись связывать свою судьбу с инвалидом, наперекор всем и вся. Саша чувствовала, что и сама находится в шаге от подобного. Не хватало лишь какого-то маленького импульса. Искры для разжигания костра. И вскоре это произошло.

На кухню осторожно, бочком, зашла Лиза, что означало лишь одно: девочки что-то натворили, и боялись признаться в этом. Александра присела на корточки и заглянула той в глазки:

– Что такое?

– А можно мы вас будем «мамой» называть? – тихо спросила она, выступая в роли парламентаря. Но Ваня услышал,

и вскипел:

– Лиза! – повысил он голос. – А ну-ка, в комнату. Быстро!

Саша наблюдала, как в одно мгновение детские лазурные глазки наполнились слезами. Она попыталась прижать девочку как можно крепче к груди, но Лиза вырвалась и убежала. Саша в гневе обернулась к Ивану, но тот уже вышел на балкон. Девушка поспешила за ним. Молчали, каждый переживал происшедшие, мысленно готовясь к неизбежному разговору. И первым начал его Иван:

– Я нашел тебе квартиру.

Смысл сказанного не сразу дошел до нее.

– Что? Ты хочешь, чтобы я съехала?

– Да, – спички ломались в руках, лишая возможности закурить.

– Почему?

Иван промолчал. Наконец-то, спичка разгорелась, и он с жадностью прикурил.

– Почему? – настойчиво повторила она.

– Ты сама все прекрасно знаешь, и понимаешь. Видишь, как мои девочки привязались к тебе? Мне следовало заметить это на ранней стадии. А я как будто ослеп. Может, просто не хотел видеть, оттягивал. Обманывал сам себя. Ты прости меня, пожалуйста, Саша.

– Им мать нужна.

– Я знаю.

И вновь повисло молчание. И можно было на том, и закон-

читать разговор, поставить жирную точку. Но вопрос, который в последнее время так часто задавала себе девушка, просился на волю. Тесно было, хотелось получить особое внимание и конкретного ответа.

– А почему я не могу стать им матерью? – акцентировала она слово «я». На что Иван так резко обернулся к ней, что она от неожиданности вздрогнула.

– Не шути так, Александра.

– Я не шучу. – Они, как и при первой встрече, пристально смотрели друг другу в глаза.

– Это не правильно, – прошептал он.

– Почему? – в той же тональности спросила она.

– Ты молодая.

– Не на много младше тебя.

– Я больной человек.

– Но не смертельно же?

– У меня трое детей.

– Я умею считать.

– Ты еще выйдешь замуж.

– Только за тебя.

– Родишь своего ребенка.

– Нам не потянуть четверых.

– Ты попала в сети коварного человека. Инвалид с тремя хвостами.

– Заметь: я добровольно пошла в эту сеть. Инвалид мне очень нравится, а от его хвостов я вообще в восторге.

– Саша, – Иван отвел взгляд, – пошутили и хватит. Сама понимаешь, что я во всем прав. Что ты сейчас совершаешь огромную ошибку, и губишь свою жизнь.

– Нет! Это ты не понимаешь, – Саша повысила голос. – Это ты совершаешь роковую ошибку. Когда же ты, Ванечка, подумаешь о себе? Сейчас ты оберегаешь девочек, вон как яростно заботишься о моем будущем. А кто подумает о тебе?

– Чего? – Иван никак не мог уловить смысл того, что хочет сказать девушка. И она поспешила конкретизировать:

– Ты же любишь меня! Ну, скажи! Признайся в этом, хотя бы самому себе. – Она не выдержала напряжения, и слезы брызнули из глаз. Она уткнулась ему в грудь и разрыдалась в голос. Иван осторожно приобнял ее, гладил волосы, словно мог успокоить ее. Молчал, немного ошеломленный ее монологом. Она сказала то, в чем он сам себе боялся признаться, даже в минуты откровенности со своей совестью. Слезы ее не быстро иссякли. Она вновь посмотрела в его глаза и попросила, словно малый ребенок:

– Ну, скажи!

– Что? – он за время молчания успел о многом передумать, переоценить, взвесить, что успел потерять нить разговора.

– Скажи, что ты любишь меня. – Выделяя каждое слово, делая между ними значительные, красноречивые паузы, попросила она просьбу.

– Да, Саша, я люблю тебя. Но....

Александра не стала больше слушать его. Потянулась и прикоснулась горячими губами к его губам. Закружилась голова и чувство, которое, как уже казалось, навсегда забыто, истомно разлилось по телу.

А за спиной догорал закат. Обещая при этом на ближайший день ясную, прекрасную погоду.

2007

Вася, Василек, Василиса

== 1 ==

Майкл был поражен до глубины души. Восторг просто наполнил его до самых краев, временами выплескиваясь наружу междометиями. Не ожидал увидеть подобное. На берегу Бискайского залива, в Испании, стране крепкого католицизма, он попал в восточную сказку. И антураж соответствовал этому: и сам дворец, и внутреннее убранство, интерьер и кухня, одежда прислуги и благовония.

С Азаматом они дружили довольно долго, но вот только сейчас Майкл вырвался к нему в гости, и не пожалел. С раннего детства он зачитывался сказками «1001 и ночи», ярко рисовал в воображении эту жизнь. И вот мечты стали реальностью. Майкл долгое время просто бродил по дворцу, наслаждаясь его атмосферой. Азамат видел, какое впечатление произвел этот райский уголок на друга, и упивался самодовольствием.

– Мой дядя, Мухаммед, истинный, праведный, мусульманин. Ярый приверженец Корана и восточного стиля жизни. Сейчас время обеда, потом кальян, а потом можно и на балконе посидеть. Оттуда открывается чудесный вид на залив.

– У меня не хватает слов, – просто выдохнул Майкл. – Ощущение чудо, которое вот-вот произойдет.

Вид открывался, и, правда, потрясающий. Очаровывал

красотой и обилием красок. К морю тянулась аллея с пальмами и цветущими кустарниками. По голубому заливу лениво дрейфовали белоснежные яхты. А под балконом, во внутреннем дворике располагался бассейн в виде огромного сердца с бирюзовой прозрачной водой. «Райский уголок» – иных эпитетов Майклу подбирать было просто лень. Особенно эти чувства заострились в контрасте с небольшой квартирой в душной Барселоне. С моря тянулся легкий, освежающий, бриз, принося с собой умиротворение и чувство полного покоя. Глаза самопроизвольно закрывались, истома наполняла каждую клеточку тела. Хотелось. Чтобы эти мгновения тянулись вечно. Но неожиданно эту тишину нарушили. Из патио послышались всплеск воды, смех и говор молодых девчат. Майкл встал с кресла и глянул во внутренний дворик. Около балкона резвились пять молодых, в самом расцвете и соку, девчонок. Они смеялись, толкали друг друга в бассейн, плескались. Резвились, одним словом. Молодые, загорелые, симпатичные, в разноцветных бикини. Майкл невольно залюбовался ими, погружаясь в интимные грезы. Даже не заметил, как подошел Азамат, встал рядом.

– Что скажешь? – поинтересовался он.

– Отличные девчонки. Аппетитные.

Азамат довольно и громко рассмеялся. Чем и привлек внимание девчат. Они все разом обернулись и посмотрели на балкон. И тут Майкл поймал взгляд одной из них. И расстояние, казалось, было предпочтительное, и временной от-

резок всего мгновение, но и этого ему хватило. Хватило на то, чтобы он смог разглядеть ее. Славянская национальность. Кучерявые белые волосы. Большие, небесного цвета, глаза, в оправе пушистых ресниц. Курносый носик. Маленькие и пухлые губки. Да и фигура у девочки был что надо, лазурное бикини лишь демонстративно подчеркивали ее прелесть. Короткое мгновение, а что-то промелькнула во взглядах. Обожгло изнутри.

– Кто это? – еле выдохнул Майкл.

– Гарем.

– Гарем?! – не смог скрыть разочарования.

– Гарем моего дяди Мухаммеда, – спокойно, но не без толики гордости, подтвердил Азамат, не замечая состояние друга.

– И это василек тоже? – он все же не сдержался, задал этот вопрос, чем и выдал себя целиком.

– Василек? – переспросил Азамат, начиная понимать заинтересованность друга.

– Есть такой цветок. Василек, называется. Он нежно голубого цвета. – Майкл и сам не замечал, почему начинал раздражаться.

– А! – понял Азамат, и перевел взгляд на гарем. Девчонки больше не резвились, сидели смиренно в шезлонгах, и пили прохладительные напитки. При этом бросали мимолетные взгляды на балкон. – Ты, наверное, имеешь в виду Васю?

– Васю? – теперь удивился Майкл.

– Васю. Это вон та, шикарная блондинка в голубом бикини. Жемчужина и гордость гарема.

Майкл предпочел промолчать. Статус, коим Азамат наградил девушку, полностью соответствовал действительности.

– Кстати, – продолжил между тем Азамат, – вечером ты увидишь их поближе.

– То есть? – в горле мгновенно пересохло. Кто знает, какие нравы существуют в этой отдельно взятой восточной стране!

– Дядя Мухаммед решил устроить в твою честь небольшой семейный праздник. Будет подан шикарный ужин, фейерверк, естественно. А вот девочки будут танцевать для нас. Ты любишь восточные танцы?

– Люблю. – Без особого энтузиазма ответил Майкл, и вернулся вглубь балкона. Плюхнулся в кресло, надел черные солнцезащитные очки. Ему так не хотелось, чтобы Азамат смог прочесть в его глазах буйство противоречивых чувств, которые охватили его в эти минуты.

За ужином сказка вернулась. В большом зале, куда его привел Азамат, все было выдержанно в стиле средневекового Востока. В дверях стояли полуобнаженные мускулистые парни с кривыми ятаганами. Горели факелы, в чашах курились благовония. Ноги по самые щиколотки утопали в мягких коврах. Ужинать предстояло на полу, в полулежащем положении, на шелковых подушках. Достархан кричал своим изобилием блюд и напитков. Наверняка, о некоторых из них

не слышали даже в самых престижных ресторанах Барселоны. Но всего больше поразил Майкла сам дядя Мухаммед, владелец всей этой экзотической роскоши. Это был старик. Самый обыкновенный старик. Ну, конечно, еще бодренький и подтянутый, но все же – старик!!! «Неужели, он может потянуть гарем в пять молоденьких, двадцатилетних девчонок?» – задался риторическим вопросом Майкл.

Сам Мухаммед говорил только по-арабски, и Азамат выступал в роли переводчика. Майкл выразил восхищение дворцом и уважение приверженности исторического стиля жизни, и старик остался довольным. Он хлопнул в ладоши. Через мгновение заиграла восточная музыка и в зал выпорхнули девчонки. Они тоже полностью соответствовали антуражу. Одетые в лифы, шелковые шаровары и прозрачные накидки. Браслеты на ногах и руках дополняли аккомпанемент. Начался танец, который завораживал все больше и больше. Хотелось просто до бесконечности смотреть на него. Тем более его исполнители были такие молодые и симпатичные. С упругими загорелыми и полуобнаженными телами. Майкл в этом вихре телодвижений не выпускал из виду лишь одну. Только к ней были прикованы его жадные взгляды. И она несколько раз мельком глянула на него. И он чувствовал, что начинает по-молодецки краснеть, лоб покрывался испариной, а сердечко меняло ритм на более учащенный. Где-то внутри рос порыв, хотелось вскочить с мягких подушек, броситься и заключить в крепкие объятия этот

дивный василек. Он даже на некоторое время прикрывал глаза и больно прикусывал губы, что бы ни податься искушению. Наконец-то, это испытание дядя Мухаммед остановил простым похлопыванием в ладоши. Музыка остановилась, девушки мгновенно испарились. А Майкл почувствовал себя настолько уставшим и опустошенным, что с трудом добрал до своей комнаты. Не раздеваясь, рухнул на кровать. Словно перед этим он выполнил непомерно тяжелую физическую работу. А ночь была полна то ли сновидениями, то ли грезами, то ли страшным коктейлем обоих компонентов. Он чувствовал запах ее разгоряченного тела, аромат волос и вкус маленьких пухлых губ.

Проснулся довольно поздно, с тяжелой головой. Вышел перекурить на балкон. Около бассейна вновь резвились девчата, не обращая особого внимания на Азамата, который удобно разместился в шезлонге с бокалом холодного пива. Такого момента, чтобы побывать в компании с Васей, упустить было грешно. Майкл поспешил в патио. Но его ждало разочарование: девушки уже покидали внутренний дворик. Они столкнулись на тропинке. Вася шла последней. Они оба остановились на одно мгновение, и взглянули друг другу в глаза. Майкл даже осмелился прикоснуться к ее руке. Вася лишь одарила его очаровательной улыбкой и поспешила вслед за подружками. Столь коротенькое счастье обожгло Майкла. Он поспешил к бассейну, на ходу скинул шорты и бросился в спасательно-прохладную воду. Пересек бас-

сейн несколько раз, причем используя различные стили плавания. Хотелось избавиться от очарования, которое, словно майская роза, истощала Вася, василек. Охлажденный, успокоенный он вылез из воды и занял соседний с Азаматом шезлонг. Из богатого выбора напитков он выбрал оранж.

– Долго спишь, дружище. – Усмехнулся Азамат

– В раю время летит незаметно.

– Это точно.

Помолчали, но не долго. Переполненный различными чувствами, Майкл терял такт и этику:

– Меня поражает твой дядя. Мужик уже в солидном возрасте, а балуется до сих пор с молоденькими. Да еще и не с одной.

Азамат от души рассмеялся:

– Я и не подозревал, что это так тревожит тебя. Даже смешно. Да, ты не бери в голову. Мой дядя давно уже импотент. А гарем он содержит по старой привычке, и ради престижа. У него же часто бывают гости с востока. Вот он и держит марку.

Майкл, удивляя сам себя, почувствовал облегчение, и едва не пропустил следующую фразу друга.

– У него ведь два состава гарем.

– То есть?

– Существует некая фирма, то ли в Чехии, то ли в Словакии, которая и занимается этим бизнесом. Нанимают девочек и привозят в подобные заведения. Вот и у дяди гарем

из двух составов. Два месяца девочки тут отдыхают, два месяца дома. Деньги при этом получают хорошие, ни какого интима. Сказка, одним словом, а не жизнь.

Спорить с этим было невозможно. Не всякой девчонки так повезет в жизни. Майкл даже порадовался за Васю.

– А ты, как я заметил, запал на эту девочку? – спросил Азамат. Майкл не стал уводить разговор в сторону. От друга у него не было секретов, и может потому их дружба славилась своим долголетием.

– Я бы многое отдал, чтобы познакомится с ней поближе.

– Многое? – Азамат зацепился именно за это слово.

– Да. – Майкл и не стал отпираться.

– Здесь, во дворце, это не возможно. Дядя фанатично относится к гарему. Они – как каста неприкасаемых. Никто даже заговорить с ними не в праве, не говоря уж о большем. Карается, кстати, тоже по средневековым традициям. Ни одна конституция цивилизованного общества тебе не поможет. Но вот там, у себя на родине во время своего отпуска, девочки живут обыкновенной жизнью.

– А как же я найду ее там? – Майкл умоляюще глянул на друга.

– А! – тот погрозил в ответ пальцем. – Вижу, вижу в твоих глазах блеск авантюриста. Видимо, очень крепко зацепила тебя эта синеглазка.

– Ох, и крепко. – Не стал лукавить Майкл.

– Допустим, что ты найдешь ее, – начал рассуждать друг.

Майкл даже привстал в шезлонге, но Азамат тут же остудил его. – Я сказал «допустим». Вот ты нашел ее, и что? Ты говоришь на испанском и аглицком языках. Девочка на каком-то там своем и немного на арабском. И что дальше?

Майкл вдруг так ясно и отчетливо представил ее васильковые глаза, в которых так откровенно читалось взаимно-обратное чувство.

– Любви не нужны лишние слова. – Грустно ответил он.

– Я достану тебе ее адрес. Как-то уж больно просто, по буднично серо, сказал Азамат.

– Что? – теперь уже никакая сила не могла заставить Майкла сидеть на одном месте. Он вскочил и навис над другом.

– Залезу, между прочим, страшно рискуя, в дядин компьютер. Да, да, у него имеется компьютер. Не совсем же он сумасшедший по средним векам.

– Серьезно? – Майкл по-глупому расплылся в широкой улыбке.

– Информация, сам понимаешь, эта платная. Стимулировать следует риск. Могу дядю разгневать и потерять его расположение.

– Сколько? – перебил меркантильные рассуждения друга.

– Я знаю, что ты из очень состоятельной семьи. Родители твои имеют успешный бизнес в Барселоне. Но не в деньгах дело.

– Что ты хочешь?

– Перстень. – Кивнул Азамат.

Майкл взглянул на руку тоже. На безымянном пальце его поблескивал старинный, из червонного золота, перстень с россыпью бриллиантов чистой воды. Это была семейная реликвия. Да безумство вспыхнувшей страсти, запах азарта и авантюризма не дали времени даже на обдумывание.

– Держи. – Он протянул перстень Азамату. Голос все же легонько дрогнул. Раритетная вещь, все же. Родители не одобряют столь неразумный поступок, если не сказать большего. Тяжелым грузом это ложилось на сердце. Но уже в обед от сомнений не осталось и следа. Он держал в руках фотографию девчонки, на обороте которой он прочитал:

Веденева Василиса Ивановна.

19.. года рождения, русская.

Россия, город Тула,

Зеленая улица, дом, квартира.

== 2 ==

Вечером Майкл вернулся домой, в Барселону.

– Как отдохнул, сынок? – родители пока не заметили отсутствия перстня. Мать накрывала на стол, мимоходом потрепала сына по волосам.

– Вот именно, что отдыхаю. Все время отдыхаю, – проворчал Майкл. – Мне уже 25, а я все в свободном плавании. Не при деле.

Родители переглянулись. Отцу явно пришлось по душе порыв сына. Он даже отложил столовый прибор и внимательно

но посмотрел на него:

– Чем ты собираешься заняться?

– В твою компанию я точно не пойду. – Сразу уточнил Майкл. – Не по мне этот бизнес. И вообще, если вы забыли, то у меня – диплом архитектора и дизайнера

– Хочешь открыть свое дело? Или влиться в какую-нибудь компанию? – к отцу вернулся сарказм. Но Майкл старался не заострять на этом свое внимание.

– Свое дело. – Невозмутимо ответил он.

Отец продолжил ужинать, мать нервно переводила взгляд с любимых мужчин. В столовой повисла напряженная тишина.

– Надеюсь, ты шутишь? Или не забыл, что это очень хлопотно и не всегда безопасно. Все ниши давно заняты. – Отец все же озвучил давным-давно известные истины.

– В Испании да, конечно. – Легко согласился Майкл. – А вот в России.

– России? – испуганно воскликнула мать и выронила вилку. Перевела взгляд на супруга, который, к ее изумлению, оставался спокойным. Но это было обманчивая видимость.

– Да, в России. – Все так же спокойно подтвердил сын. – И пора уже называть вещи своими именами. Не строить из себя сами не зная кого. А честно признаться, что мы – русские. А я и не Майкл вообще, а Михаил. Миша!

– Майкл! – мать пыталась вразумить любимого сыночка.

– А между тем в России, в Москве, живут моя бабушка

и дедушка.

– Мы в ссоре.

– Глупая ссора, протяженностью в пять лет.

– Майкл. – Наконец-то, и отец повысил голос. – Это не глупая ссора, а принципиальные позиции. Ты, по молодости лет своих, еще мало чего понимаешь. Я не собираюсь первым идти на поклон к своим родителям. Они выгнали меня из дома.

– А меня никто не выгонял, – Миша упорно стоял на своем, – и я не считаю позорным для себя первым протянуть руку. Пора восстанавливать мосты и воссоединять семью. Жизнь одна, а время быстротечно. – Он встал из-за стола. – Спасибо за ужин, мама. Все было, как и всегда, очень вкусно.

И покинул столовую. Мать уже собралась вскочить и броситься следом, но муж положил руку на ее ладонь:

– Это не детский каприз, – тихо констатировал он, – наш мальчик обретает самостоятельность. И это правильно. Пусть попробует. Он принял решение настоящего мужика. А это вызывает понимание и уважение.

Москва встретила Михаила дождем. Над городом висели тяжелые, свинцовые тучи, и он наполнился хмуростью и пасмурностью. Что искореняло всякое маломальское хорошее настроение.

Зато бабушка Марья и дед Иван встретили внука с распростертыми объятьями. Радости и счастья не было конца. Целый день они не могли ни наглядеться и ни послушаться.

Через каждые два часа шли пить чай, при этом готовили новые блюда и приобретались всевозможные деликатесы.

Дед Ваня, старой закалки коммунист, был еще бодрым старичком и продолжал работать в государственной структуре. Хотя это и не мешало ему регулярно ругать власть и выступать на митингах. Баба Маня всю жизнь была домохозяйкой, обеспечивая супругу надежный тыл, наполненный уютом и любовью.

– Ты к нам в гости, или как? – поинтересовался дед, когда они допоздна засиделись на кухне за разговорами о футболе.

– Или как, – слегка улыбаясь, ответил Миша, чем еще больше порадовал деда. Через мгновение Миша согнал улыбку с лица и пояснил. – Хочу тут открыть свое дело.

– Бизнес, то есть? – дед набил трубку ароматным табаком. Раскурил, добавляя запахи далекой Кубы.

– И очень надеюсь на твою помощь. – Михаил не забыл, как надо вести себя с дедушкой. Тот имел некоторые слабости. Тщеславие, честолюбие и высокое чувство собственного значения имели порой и выгодную окраску. Стоило поиграть на его этих чувствах, так он в лепешку расшибется, но делает все, что от него зависит.

– Что за бизнес? – дед принял важный вид. Потянулся, выпрямил спину.

– Строительство, дизайнер.

Задумался старик. Поглаживал шикарные усы, выпуская временами клубы табачного дыма. И наконец-то, вынес вер-

дикт:

– А это, пожалуй, выгодное дело. Сейчас «новые русские» просто сходят с ума на этой почве. Перепланируют квартиры, меняют интерьеры. Да и под Москвой дачные поселки растут, как грибы после дождя.

– Точно? – обрадовался Миша.

– Не просто дачи. Им подавай средневековые замки, с башенками, подъемными мостами.

– Здорово.

А дед вновь впал в глубокую задумчивость, достал из холодильника початую бутылку коньяка.

– Давай по пятьдесят. За успех. Есть у меня кое-какие знакомые. Там. – Он красноречиво поднял палец, указывая на потолок. – Они-то быстро приспособились к новой жизни. Но думаю, что за мои прежние заслуги, окажут посильную помощь.

– Просто не вериться в такую удачу! – Миша был искренне приятно удивлен и счастлив. – За это грех не выпить, не смотря на позднее время.

Дед с внуком сдвинули бокалы.

Но на деле оказалось не столь безоблачно и радужно. Бюрократию в России никто не отменял. В новой обстановке она лишь крепла и расцветала. И все же дедушкины связи и Мишины деньги (начальный капитал пошел на смазку) сделали свое дело. Оно тронулось с места.

Через три месяца Михаил открыл-таки свое строительное

и дизайнерское бюро. Сотрудников он набрал молодых и амбициозных вчерашних студентов, хоть и без опыта, но зато с огромным желанием и массой новых идей. Вскоре это начало плодоносить. Пошли и заказы, а с ними и известность в городе, да и прибыль.

Лишь после этого пришла пора подумать об истинной цели своего приезда на родину, так круто изменившая привычную, без громких потрясений, жизнь.

== 3 ==

Он стал собираться в Тулу.

– По делам фирмы. – Объяснил он старикам. Но бабушку было обмануть почти невозможно. Она сердцем чувствовала неправду. В прихожей, она своим единственным вопросом «прижала к стенке»:

– Кто она?

– Ее зовут Василиса. – Миша понимал всю тщетность сокрытия тайны.

– Познакомились там? – она кивнула, указывая на Запад.

– А как ты догадалась? – улыбнулся Миша.

– Ты похож на своего деда. Он ради меня пересек всю страну, – улыбнулась бабушка.

– Удачи тебе, сынок, – и перекрестила его.

Уже в Туле Миша вдруг поймал себя на мысли. Что едет в гости к незнакомой девчонке. Без цветов и подарка. Он не знал о ней абсолютно ничего, и потому купил и мягкую игрушку, и французскую косметику, и томик лирических сти-

хотворений. А так же набил два пакета всяческими вкусо-
стями и деликатесами.

Дом на Зеленой улице говорил сам за себя и за своих обитателей. Люди жили у самой черты бедности, едва сводя концы с концами. Бабки у подъезда с большим интересом разглядывали молодого человека в шикарном костюме и множеством пакетов. И совсем не скрывали неприязнь к власти имущим и зависть. Дверь нужной квартиры открыла женщина. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять: перед ним стояла мать Василисы. Вот в такую же приятную, спокойную женщину превратится и Вася, лет так через тридцать.

– Здравствуйте.

– Доброе утро, молодой человек.

– А Василиса дома?

– Увы, нет. Она уехала в деревню. Будет только ближе к вечеру.

– Жаль, – искренне огорчился Миша. И это чувство так красноречиво отразилось на его лице, что женщина тут же предложила:

– Но вы можете подождать ее.

– Целый день? Как-то неудобно.

– Неудобно вас держать в грязном подъезде. – Ответила женщина и посторонилась, приглашая гостя переступить порог.

Бедность кричала о себе уже в прихожей, такой маленькой и тесной.

– Баба, а кто пришел? – вдруг раздался совсем рядом детский голосок. В прихожую заглянула девочка. Пятилетнее, белокурое, голубоглазое чудо. «Она замужем!» – мысль обожгла его изнутри. Вмиг стало жарко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.